

М.Кравков
За сокровищами на реку Тунгуски
Повесть
Новосибирск: Запсиботделение, 1931 г.

1. ПУТЬ НА СЕВЕР

На пристани было жарко, пахло водой, канатом и свежей краской.

Низкобортный винтовой пароход стоял у берега, и по доскам его сходен беспрерывно вперед и назад ходили люди.

Двое мальчуганов, четырнадцатилетний Петя и старший приятель его, Николай, часа два уже наблюдали за сутолокой погрузки.

У обоих была одна, заботившая их мысль — как бы попасть на борт парохода, отправлявшегося на далекий север, в Карскую экспедицию.

Оба знали, что это трудно и для них почти невозможно, и все же решили испытать все средства, чтобы уехать.

Им очень хотелось посмотреть те далекие страны, о которых они читали в книжках, о которых так заманчиво и интересно рассказывал учитель в сельской школе.

Оба они с отцами много уже побродили по тайге, испытав опасности и приключения. И, поэтому, особенно манил их далекий путь на таинственный север.

Пароход, стоял неподвижно и курился тонкой струйкой пара, вившейся из его копченной трубы.

Наконец, Николай решил. Подойдя, сунулся было к сходням, но его сейчас же отстранили грузчики, торопившиеся погрузить разнообразную поклажу.

Тогда он обратился к дежурившему матросу:

— Где командир парохода?

Матрос молча указал на стоявшего около ящиков толстого человека в форменной фуражке. Командир только что побранился из-за какого-то непорядка и был сердит.

Не во-время сунулся к нему Николай со своею просьбой.

— Взять вас на борт? Никак не могу! Что у меня пароход или детский сад? Проваливай и не пугайся!

Приходилось выдумывать что-то другое!

Оба мальчика вышли из сутолоки погрузки и обратили внимание на баржу, стоящую за пароходом.

Ее черные, смоленные бока, словно стены, выдвигались из воды, и струи течения, журча, разбивались о массивную раму баржевого руля.

Там тоже было движение. По палубе тащили брезент, накрывали им штабели досок. Значит, и здесь готовились к отправке.

На барже не стояли караулившие вход матросы, но зато и сама она стояла поодаль, не соединенная с берегом трапом.

Свисток вдруг протяжно заревел.

Тогда Петюха, уныло присевший было на ящик, побледнел и вскочил.

— Уйдет, сейчас уйдет! — толкал он Николая, — а мы останемся... Да чего же сидишь ты!

— Это первый еще свисток, — успокоил Коля, — а ты лучше погляди, чем привязана вон та лодка!

Петя понял товарища на полуслове. Не спеша подошел к болтавшейся на причале лодке, поглядел на привязку — эге, не цепь, а простая веревка... И, попросту, залез в лодченку!

Николай так же сделал вид, что ему надоело сидеть на бревнах. Встал, потянулся, даже зевнул. Потом приблизился к лодке и швырнул в нее свою походную сумку. Пошарив глазами, выбрал две подходящие дощечки, и их туда же!

А затем, убедившись, что народу кругом много, что все заняты своим делом, что никому нет охоты следить за двумя мальчишками, отвязал веревку, сдвинул лодку в воду и, как признанный ее хозяин, сел за кормовое весло.

Петя помогал подгрести досками. Лодка заскользила вдоль высокого баржевого борта.

Очень удобно было залезть по рулю. И ребята совсем было уж подвернули лодку, да услышали наверху чей-то громкий голос. И поняли, что на корме работают люди.

Заплыли с речной стороны, подгрестились к самому носу и увидели тяжеленный якорь, спускавшийся до самой воды. Здесь под'ем был тоже возможен.

— Айда? — вопросительно пригласил Николай.

Петя было замялся, но тут загудел второй свисток, и Николай, без колебания, вскочил на якорную лапу.

Вот он лезет все выше и выше, а Петюха одной ногой на якоре стоит, а другой упирается еще в лодку. Вот, перемахивает Николай через борт и исчез совсем... Петя замирает в тоскливом ожидании. Лодка колышется у него под ногой, плещут в баржу шелестящие волны, и тянутся секунды, длинные, точно годы...

Но, вот, голова товарища высовывается высоко над Петей. Лицо у него сияет, он часто-часто машет к себе рукой.

Кончено! Петя резким толчком отталкивает лодку, хватается за якорь и, ловко цепляясь по канату, взбирается на борт. Там, хоронясь за огромный сверток веревок, Николай подает ему руку, вытаскивает на палубу.

На четвереньках, прячась за доски, оба приятеля доползают до черного отверстия приоткрытого трюма. Этот темный вход на самом носу баржи, среди разложенных по палубе ржавых якорных цепей.

Вниз ведет крутая лесенка, Петя со страхом спускается вслед за товарищем, пока не ступает на дно носового трюма. Темного и пустого.

Тут Николай вспоминает, возвращается по лестнице и тихонько опускает над собою крышку трапа.

Делается так темно, что Петя садится на пол. И так ему становится страшно, что он с удовольствием бы отказался сейчас от рискованного своего предприятия, но уж поздно.

По палубе, над ребятами, топают шаги, грохочет цепь.

Глухо рывкает третий и последний свисток парохода. Николаю тоже должно быть не по себе. В темноте он нащупывает петину руку и крепко сжимает

ее...

Но, вот, баржа дрогнула и качнулась. Шумный поток воды облил наружные доски носа — совсем вот, вот, где-то рядом...

Путешествие началось!

— Ну, как? — спросил Николай.

— Здорово! — ответил Петя.

Глаза их привыкли к темноте. Кругом пахло свежими стружками и смолой. Помещение было небольшое и совсем пустое.

— Никогда носовую часть не загружают, — поучал Коля, — чтобы не зарывалась баржа в воду, чтобы легче было ею править.

От главного, товарного трюма, носовой отсек[1] отделялся глухой переборкой. За массивными балками креплений шпангоута[2] — тесные закоулки, заваленные просмоленной паклей.

— Слушай, — предложил Петя, — заберемся туда! В пакле в этой мягко, как в постели, и никто не увидит нас!

Сделали далее репетицию на случай тревоги. Петя ложился за балки, к самой стене и зарывался в паклю. И нельзя было подумать, что там прячется человек.

А пароход тем временем разошелся. Слышно было, как шлепали волны в борта, как журчанием бежала вдоль баржи вода.

Теперь, как всякие устроившиеся пассажиры, ребята подумали о своем дорожном хозяйстве.

Путь им предстоял не короткий — дней десять надо было плыть до Туруханска.

Взялись за походную сумку — в ней сухарей дня на четыре. И маленький кусочек сала».

— А вода-то где!? — ужаснулся Петя.

Да, воды у ребят не было ни капли!

— Вот так штука, — уныло протянул Николай, — завтра же вылезать придется...

— Поди отдюют? — осведомился Петя.

— Отдуть не отдуют, а на первой же пристани высадят...

— Вот тебе и север! — заключил Петюха.

Оба очень опечалились.

— Эх, часов то нет! — жалел Петя, — день ли сейчас или ночь — не знаем!

И даже сколько времени прошло от начала плавания — не знали, потому что вскоре после посадки заснули и спали, должно быть, очень долго.

По прежнему ровно шел пароход, и шумно бились об нос баржи рассекаемые волны.

— Здорово хочется пить! — вспомнил Петюха.

Он, как более слабый, сразу же поддался жажде, мучительно думал только о воде и этим еще более растравлял жгучее желание пить.

— Потерпим, Петя, — печально уговаривал Николай.

— Долго ли терпеть-то, — стонал Петюха, — все равно, не дотерпим, попрем! Так ли, сяк ли, наверх вылезать придется. Полезем, Никола, сейчас? Уж больно мне трудно...

Понимал Николай безысходность положения и нечем было ему ответить на речи товарища.

И все-таки хотелось подождать. Хоть на полчаса отдалить минуту бессильной сдачи!

Ушел он к самому носу баржи, уткнулся лбом в прохладную ее стенку. Слушал, как бьется снаружи кипучий бурун волны. Слушал и теребил машинально пучок пакли, заткнутый зачем-то в стену, над его-головой.

И вдруг, пучок выдернулся, и в темноту ударил ослепляющий луч голубого света!

Перед самым лицом Николая сияла небольшая дыра. В нее были видны бугры колыхавшихся волн и бежавший впереди пароход...

— Петюшка, Петюшка, — питье! — крикнул он товарищу.

Через минуту дрожащими руками развязывали ребята походную сумку. Достали узкую жестяную баночку, в которой хранилось немного дробы.

Петя отрезал кусок хорошего, прочного шпагата, припасенного для перемета. Прodelали дырочки в краях банки, привязали прочно шпагат, и получилось игрушечное ведерко! — Котенка напоить разве! — пошутил Николай.

Сбросили сквозь отверстие банку в реку и удерживали шпагат, пока не потянуло его тяжестью наполненной банку воды. Тогда осторожно начали поднимать.

Самое сложное было втолкнуть обратно коробку через дырку, просверленную для баржевого каната.

Баночка наклонилась, и половина воды пролилась. Оставшейся хватило на два глотка, и ребята разделили их между собою.

Благодатная влага сразу прояснила затуманенные головы! Через окошечко было возможно наблюдать и реку и берег. И ребята часами простаивали около спасшего их отверстия.

Изредка пароход останавливался брать дрова. И тогда очень хотелось выскочить вместе с матросами на залитый солнцем берег, в смолистую тень лиственничного бора.

Эх, и потаскали бы они эти желтые, словно из воска сделанные, поленья!

Но, увы, вылезти было нельзя...

Проехали ребята Енисейск и с'ели последний свой сухарь.

2

КРУШЕНИЕ

Посмотрел сквозь отверстие Петя — ох, широкий стал Енисей! Километра три, а то и четыре от берега и до берега! Недаром влилась в него перед Енисейском полноводная Ангара, и недаром синие ее воды долго тянулись вдоль правого берега, не сливаясь с мутным течением могучего Енисея.

На палубе баржи разговаривали люди и из обрывков доносившихся слов было понятно, что к вечеру караван собирается проходить Осиновский порог.

— Второй порог, — об'яснил Коля, — первый, Казачинский, перед Енисейском. Мы и не видели, как его проплыли. Горы там подходят к реке — Енисейский кряж. Пересекают Енисей, и каменные их гряды образуют порог. Раньше очень труден был для прохождения Казачинский порог, да взорвали теперь в нем опасные камни и открыли широкие «ворота».

— А Осиновский тоже опасен? — спросил Петя.

— Он в малую воду опасен. Извилистый там ход, среди камней...

— А сейчас как вода?

— Да небольшая... А пройдем Осиновский и будут дальше «Щеки». Узкое место, но очень глубокое. Там последний, раз к Енисею подходит кряж. А уже от «Щек» недалеко и до Подкаменной Тунгуски. Она еще прибавит водицы, и еще шире разольется Енисей...

Сквозь ровный шелест бегущей вдоль баржи воды слышали глухие свистки парохода.

От скуки ребята начали осматривать переборку, отделявшую носовой отсек от главного товарного трюма. Одна доска переборки отвинчивалась и, открыв ее, ребята залезли в огромное и совершенно темное помещение, доверху заваленное грузом.

На этом новом месте вздумали переночевать и, закрыв поплотнее отвинченную доску, улеглись на грудах пакли.

Страшный толчок сбросил Николая с его постели! В темноте грохотал оглушающий треск раздираемого дерева... Казалось, что вдребезги рассыпается и рушится вся баржа. Сразу очнувшийся Николай вскочил, но в этот момент баржу сильно качнуло, пол выскользнул из-под ног. С гулом валились на барже ящики и мешки, загромождая проходы.

В общем шуме слышались тревожные свистки парохода, а где-то рядом вопил Петюха.

Потом весь гомон на секунду стих, и Коля услышал бульканье воды, словно вливавшейся в огромную бутылку...

Баржу перестало качать, и только мелкая дрожь пробежала по полу и кучам груза.

— Тонем мы, тонем! — опять послышался из темноты.

Первой мыслью Николая было бежать... Вскაკивая, он застрял в навалившихся сверху тюках. А освободившись сообразил, что надо помочь Петюхе. Немного успокоился и зажег спичку.

Кругом был хаос. Петин голос звучал глухо откуда-то из-за боченков.

— Сюда иди! — крикнул Николай.

Словно в ответ, баржу так встряхнуло, что борта ее загудели скрипящим стоном. Боченки раскатились и, при свете спички, Николай увидел пробиравшегося к нему Петю.

Хлюпанье и плеск воды усилились. Слышались где-то очень близко, и мальчуганы почувствовали, что пол под их ногами начал коситься, словно наклоняться вниз...

— У баржи проломлен нос и она садится в реку! — догадался Николай, — лезем наверх, а то потонем!

Кошками поползли они по тюкам товаров. Того гляди, что придавит!

Лезли в темноте, наугад. Боялись только потерять друг друга или выколоть глаз о невидимый тычок.

Добрались до смолевого бока баржи и увидели над головой щелочку в палубе. Цепляясь за переплеты балок, забрались к самым половицам палубы. Там, усевшись на перекладине, принялись стучать в потолок.

Иногда недалеко, вверху, слышались шаги. Тогда ребята орал что есть мочи! Но шаги удалялись...

Время от времени Петюха с ужасом поглядывал в мрачную пропасть трюма, из которой, вот-вот, должна была подняться вода и засосать их черным водоворотом...

Коля стащил с ноги сапог и гулко колошматил им в палубу. И вдруг ребята слышали, как кто-то остановился вверху над ними. Они удвоили стукотню, усилили крики и, в ответ, сверху сильно затопали о доски.

— Стой! — остановил шум Николай.

— Кто тут? Кто!? — испуганно и глухо кричал снаружи голос. Ребята опять завопили, застучали.

— Сейчас! — крикнул неизвестный человек и убежал.

Медленные и страшные потекли минуты ожидания. Корпус баржи скрипел, дрожал, и гулко, как в бочке, плескались внизу невидимые волны.

— Держись, держись! — все время ободрял Николая.

Но, вот, вновь послышались шаги нескольких человек. И, на стук Николая, сверху, цокнув, впился в доски топор!

Перебил его другой удар и в два топора, дружно и звонко, торопясь спасти человеческие жизни, работали сверху!

Вот, сталь прокусила толщину доски. Засиял ослепительный свет, и на ребят посыпались щепки. Так бы и выпрыгнул Петя в прорубленную узкую щель!

Почему он не маленький такой, как муха! Живо разделали доску. Подрубили с другой стороны, и вниз, оторвавшись, ухнул кусок половицы, открыв широкий проруб.

Чья-то всклокоченная голова наклонилась сверху:

— Вылезай живей!

И хотя Николай сидел поближе, а все-таки пересилил страх и помог Петюхе первому схватиться за протянутую руку. А за ним и сам выпрыгнул на палубу..

Николай едва не упал от яркости света и от хлынувшего в легкие свежего воздуха.

— Никого нет больше? Никого? — криком допытывался, трясая за плечо Николая, коренастый матрос.

— Нет! — ответил Коля.

Тогда его подхватили под руки и поволокли по круто наклонившейся палубе к лодке...

Окончательно опомнились ребята лишь на берегу.

Рассмотрели баржу, почти на середине реки, погрузившуюся носом в воду. Пароход стоял тут же, с него перекидывали на баржу длинный канат. Около места крушения суетились лодки. Поодаль, около берега, дымил другой пароход. С этого парохода были переброшены на берег сходни и по ним иногда сбегали люди.

Всеми забытые, словно выкинутые на берег два мешочка, уныло примостились на камнях ребята.

— Эй, парнишки, — раздался за ними чей-то голос.

— Это вас из баржи вытаскивали?

— Ну, хана, — подумал Петя, — Однако, сейчас расправа будет! — Покосился на человека в кожаной куртке и болотных сапогах и прижался к Николаю.

Но человек совсем не замыслил ничего дурного. Наоборот, он подсел к пододвинувшимся ребятам, вытащил портсигар, закурил и спросил:

— Так зачем же вы в баржу-то забрались?

— На север хотели проехать, — сознался Петя. — Очень там интересно, потому что народ по-особенному живет.

— Да, вон вы какие, — заинтересовался человек. — Но, а что же теперь будете делать?

— А теперь что же... — растерялся Николай, — деревню искать пойдем.

— Да вас комары с'едят, — засмеялся человек. — Прежде-то где вы жили?

И оба мальчугана, перебивая один другого, рассказывали о своей жизни, о тайге, где они выросли, о приключениях, о желании своем видеть свет, учиться и работать.

В тихом вечере четко раздавалось по реке перестукивание молотков, людской немолчный гомон, изредка хриплым своим свистком подавал сигнал пароход.

А человек в кожаной куртке сосредоточенно слушал немудрый рассказ ребяташек. С парохода, стоявшего у берега, кто-то сошел и зычно крикнул:

— Товарищ профессор, ужин готов.

Человек в куртке поднял голову и ответил:

— Иду. — А потом обратился к ребятам и хлопнул по плечу Николая:

— Вот что, пареньки, мы — научная экспедиция и едем работать по реке Нижней Тунгуске. И в качестве рабочих я вас, пожалуй, возьму... Хотите?

Николай, как сидел на бревне, так и остался там, онемев от неожиданного счастья. А Петюха вскочил и уже за обоих крикнул:

— Хотим хотим!

Человек сдержал улыбку, встал и сказал:

— Раз так, отправляйтесь ужинать.

И с этого часа началась у ребят такая жизнь, о которой раньше они только мечтали втихомолку.

3

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Пароход «Полярный» вез экспедицию профессора Морозова до Туруханска. Набирая дрова за «Осиновским порогом», он случайно сделался свидетелем крушения, которое потерпела баржа, наткнувшаяся на камень. С парохода подали необходимую помощь, ползатонувшую баржу разгрузили, и ведущий ее пароход остался хлопотать о дальнейшем спасении, сообщить о случившемся по радио в Енисейск и в Красноярск.

А «Полярный» с экспедицией и с двумя мальчуганами продолжал свой путь на север.

Ребят поместили в узенькую, но чистую каюту в обществе коллектора экспедиции и ее десятника.

Коллектор, молодой студент, должен был собирать образцы горных пород и вести наблюдение по указанию начальника.

Ребята сперва дичились его ученого вида, а потом быстро привыкли, потому что коллектор был почти так же молод, как они сами.

Десятник, старый шахтер, оказался завзятым таежником. Слово за слово, разговорились. Десятник начал выпытывать про промысел, про рыбалку, про лесные обычаи. Ребята бывалые, — на все отвечали как надо.

— Ого, — заключил десятник, — да вы дельные парни..

Было еще в экспедиции три человека — Николай Иванович в очках и всегда с фотографическим аппаратом и двое техников — серьезные ребята — все время книжки

читали, а в общем народ хороший — мальчуганов белыми сухарями кормили и разговаривали так, словно как бы и они были такими же техниками или десятниками.

Узнали ребята, что экспедиция едет отыскивать графит и уголь.

Как-то вечером, пройдя уже широкую Подкаменную Тунгуску и подходя к Туруханску, профессор об'яснил, почему на севере так ценно найти каменный уголь.

— Пока не было в нем потребности, — рассказывал профессор, — углем и не интересовались, а теперь по Енисею идет пароход за пароходом. Идут на север до порта Игарки, который на две тысячи километров удален от Красноярска и почти на тысячу отстоит от Полярного моря. Но Енисей в этих местах так глубокий и широкий, что на Игарку свободно проходят морские пароходы. Год от году приходят они к нам в августе месяце из портов за границы, пробираясь через льды Карского моря. Привозят части машин, металлы и другие нужные для нашей страны товары, а от нас увозят экспортные грузы: сибирский лес, щетину, кожу. А теперь будут брать и графит, который добывается на реке Курейке.

Так вот, ребята, с каждым годом увеличивается число приходящих к нам кораблей. Теперь, за отсутствием на Енисее угля, корабли берут запас его за границей на обратный свой путь. Если же мы отыщем уголь вблизи Игарки, то уж незачем будет морским пароходам загружать себя запасом топлива. Вместо него они погрузят в свои трюмы полезные для нас предметы. И государству нашему будет выгодно продавать иностранным судам наш советский уголь. Поэтому-то мы и ищем его.

Но в этом значении угля только на первое время. А потом его применение будет еще шире и еще важнее!

По многим признакам ученые полагают, что в горных породах севера содержатся и металлы. Пока известны лишь цветные металлы: медь, цинк и никель. А может быть будет отыскано и железо.

И, если запасы металлов на севере окажутся действительно значительными, тогда уголь станет необходимым для будущих металлургических заводов. И, на запасах тепловой и химической энергии угля, возникнет мощная база индустриализации наших северных окраин.

Угли, как топливо, приведут в движение крупные электрические станции и сила их тока начнет питать заводы и фабрики.

Но машины обслуживаются людьми. Поэтому неизбежно возникнет заселение края. И там, где сейчас мы видим таежную пустыню, построятся города, будет кипеть трудовая жизнь и большие ценности будут создаваться у Полярного круга! Вот чем, для будущего, может кончиться скромная находка каменных углей теперь!

— А если по Тунгуске уголь найдем, — робко спросил Николай, — ведь он от Игарки далеко будет?

— Тунгуска река полноводная, глубокая. По ней легко заходить пароходу. И если там окажется уголь, то его будут сплавливать вниз до Енисея, а оттуда до порта Игарки.

В тот же вечер, ложась спать, Петя крепко ударил кулаком по ладони и шепнул Николаю:

— Найдем уголь!

Наконец, экспедиция добралась до Туруханска. Все население его вышло встречать пароход. Кооператоры ждали из Красноярска грузов, иные встречали знакомых, а прочие вышли просто так, чтобы посмотреть на новых людей и тем скоротать городскую скуку.

Пока экспедиция разгружалась, профессор с Николаем пошел в местный РИК. Проходя по берегу, Коля заметил невиданные еще им больше лодки с высоко задранными носами, с мачтой и досчатой постройкой, прикрывающей всю середину лодки.

— Это илимка, — об'яснил профессор, — в такой вот мы и поедем.

На гальке, на кольях сушились сети. Тут же навалены были груды пустых боченков.

— Сразу видно, — сказал Николай, — рыбаки живут!

— Прежде и был Туруханск большим рыбацким местечком и назывался селом Монастырским. А теперь сделался городом и центром для огромного Туруханского края, который больше любого европейского государства, — так об’яснил профессор.

Шел по улицам Николай и дивился:

— Какой же это город? У нас в деревне дома не хуже. И учреждения тоже — в одном деревянном доме — все! И РИК, и нарсуд, и милиция — совсем деревня!

В РИКе профессор долго беседовал с председателем, рассказывал ему о задачах экспедиции. И председатель говорил о большой пользе для края, которую оказала бы экспедиция, если бы нашла полезные ископаемые.

А потом начались хлопотливые дни.

Коля сразу же полюбил предоставленную экспедиции илимку и вместе с десятником и Петром принялся оборудовать ее. В помещении, прикрытом досчатой надстройкой, надо было для всех наладить нары, набить полки — вообще привести илимку в жилое состояние. Потом пошла погрузка, последние хлопоты и, наконец, наступил час отправки.

Ребята узнали, что Нижняя Тунгуска тянется с востока более чем на 2500 километров, вершинами своими сходясь с левыми притоками реки Лены, около города Киренска.

— Течение реки, — говорил как-то профессор, — прорезает почти неисследованную огромную площадь, лежащую между Леной и Енисеем. И мы пойдем путем этой реки!

Еще на пароходе дивились ребята, что нет в это время на севере ночи. Закатится лишь солнышко, постоит немного светлый вечерний сумерк и опять, глядишь, загорается розовая заря восхода.

— К Полярному кругу мы близко, — об’яснил коллектор, — за ним и такие пойдут места, где все лето солнце не заходит!

И еще ребят удивило: в Красноярске, когда они уезжали, стояло жаркое настоящее лето, а тут, в Туруханске, несмотря на конец июня, еще по оврагам уцелели надувы снега.

— И это от севера, — догадался Петя.

4

НА БОРТУ ИЛИМКИ

Нелегким оказался путь экспедиции, илимку пришлось тащить бичевой против течения мощной и быстрой реки.

Илимка сама по себе была судном немалым — метров пятнадцать длиною, тяжелая да груза на ней было около 5.000 килограммов, везла она 14 человек — вот и тащи такую тяжесть!

Нанято было шесть специалистов-лямщиков — людей, которые из года в год ходят бичевой по Тунгуске, развозя товары кооперативов, снабжающих туземных жителей — тунгусов.

Николай решил попробовать тянуть бичеву. Бичева оказалась толстой вожжевой веревкой. А лямщики еще улыбались:

— Вот, посмотри, на каком канате в порогах будем тащить!

На концах бичевы были привязаны короткие поводки-веревки, вроде постромок, и каждая кончалась широким берестяным поясом. Помогли Николаю накинуть на себя лямку. Прямо через грудь и плечи пришелся берестяной пояс.

И тронулись!

Впереди вожаком шел Володя — волосатый, как медведь, здоровенный человек и очень добродушный. А другие, гуськом, друг за другом натягивали свои постромки, вливая и свои силы в общую силу, тянущую бичеву.

Медленная это были дорога — километра по два с половиной в час!

Положим, глядя по реке — где течение тише — там идут быстрее. А где начнет перебирать струя течения или попадается пережат — там медленно, шаг за

шагом отвоевывая пространство. Большое значение имел и бичевник. По ровному берегу, сложенному из мелкой гальки, идти было легче, где же горами громоздились крупные и неровные камни — там приходилось выбирать каждый шаг, чтобы не упасть.

Недалеко от Туруханска, километрах в семи, показались скалы, и по реке донесся плескучий шум.

Володя повернул к лямщикам загорелое лицо и об'явил:

— Корчага играет!

И рассказал Николаю:

— Яма так называется, в которой вода крутит. И страшная там глубина. Когда вода большая, особенно с весны, так очень корчага опасна. Попади туда с лодкой — и сразу проглотит! Да и илимке худо будет!

Ничего особенного с берега Николай не заметил, рассмотрел только, что в середине реки вода расплывается большими кругами и что к водовороту от береговых мысов мчатся борозды течения.

А на илимке профессор подробно об'яснил:

— Здесь очень глубокое место. Промеры показали около сто метров глубины. Вероятно, в старинные времена Тунгуска падала здесь со скал водопадом и пробила эту яму. А сейчас вы видите, что и с правого и с левого берега, входящие в реку мысы направляют на середину две сильнейшие струи течения. Струи сталкиваются и образуют водоворот, по середине которого получается, воронка. Эта — самая сильная корчага, но видите, она остается у нас в стороне, а через вторую в «Щеках», так называется одно узкое место, нам придется переправляться.

Петя слышал все это и тоскливо подумал о профессоре:

— Еще утопит очкастый!

Ему было досадно, что Николай шагает в лямке по берегу, а его оставили на илимке, как какого-то слабосильного! Однако, и Пете дело нашлось. Назначили его поваром — чай кипятить и обед стряпать.

На носу илимки из бревен наладили раму, насыпали в нее песку и гальки и на этом очаге разводили костер.

И пришлось Петюхе под руководством десятника кормить экспедицию. Пищей были мясные консервы. Не нравились они Пете:

— И кислые какие-то и мясо в них как мочалка!

И появилась у него хорошая мысль.

Взял однажды мальчуган кусок жестянки, вырезал ее в форме ложки, один конец завернул винтом вроде аэропланного пропеллера и насадил жестянку на проволоку. Для пробы опустил в воду — течение нажимало на лопасти винта, жестянка крутилась и сверкала, как маленькая рыбка. Тогда Петюха приделал к лодке крючки и привязал приготовленную блесну на длинный и толстый шнур.

Однажды, освободившись от дела, перелез с илимки в привязанную к ней сзади лодку, уселся на корму и пустил тащиться по воде свою удочку.

Был ярко-солнечный день, по берегам высилась лиственничная тайга и горы мшистыми рассыпанными склонами спускались к реке. Засмотрелся Петюха и чуть не вылетел от толчка из лодки!

Руку, вокруг которой был обернут у него шнур, дернуло так сильно, что едва успел удержаться другою за борт.

Далеко сзади лодки всплескивал и метался широкий рыбий хвост.

Двумя руками, еле дыша от волнения, подтягивал Петя добычу. Подвел уже близко и в прозрачной воде было видно темную, как полено длинную, подошедшую к лодке рыбу. Но тут пленник опять рванулся, и Петя во-время отпустил бичеву, чтобы ослабить рывок. И, лишь несколько раз подтянув и отпустив добычу, наконец, с торжеством вытащил крупного, килограммов на восемь, тайменя. Зубастый хищник глубоко заглотил блесну, приняв ее за рыбку, и попал на крючок.

Все хвалили Петю, а профессор объявил, что отныне ему поручается и рыбная ловля.

Экспедиция часто останавливалась около скал. Тогда профессор и его сотрудники вооружались молотками и осматривали утесы, отбивая от них кусочки. А потом отбитые образцы приносили на илимку, называли их мудреными какими-то именами, ставили на каждом кусочке номерки, завернув в бумагу, укладывали в ящики.

— А зачем вам столько камней, — спросил однажды Петя коллектора, — Что их в городе что ли мало?

— Эх, ты голова с ушами, — посмеялся коллектор, — ищем мы полезнее ископаемые. Металл, уголь, графит. Но они встречаются в горных породах. И не во всяких. Железо, например, у нас в Сибири попадает среди изверженных пород, таких, которые застыли из огненно-жидкой лавы, А уголь среди осадочных. Таких, которые в воде, слой за слоем, осаждались. Вот, когда исследуют местность, то и изучают все горные породы, а потом составляют карту, по которой видно, где какие породы залегают. И тогда не вслепую ищут полезные ископаемые, а соображаясь с составом породы. Для этого-то мы и собираем камни, чтобы по ним составить карту. Геологическую карту. Понял?

— Теперь понял, — просиял Петюха. — Теперь и я буду камни для вас собирать.

С Николаем едва не случилась беда.

Вытаскивали однажды илимку по быстрому месту мимо камня, торчавшего из воды. Затасили выше камня. Здесь река делала поворот, и лямщики свернули по излучине берега. И вдруг, длиннораспущенная бичева зацепилась за скалу. Илимка остановилась, бичева натянулась струной и вот-вот порвется о ребро скалы. А тогда илимку неудержимо потащит вниз и бросит на пройденный камень.

Все это мигом сообразил Николай и, как козел прыгая по валунам, помчался отцеплять бичеву. Да сгоряча не сообразил и зашел к бичеве не со стороны берега, а с речной. И давай сдергивать ее со скалы!

Ему что-то кричат и с илимки и лямщики, а он за шумом воды не слышит...

Сорвалась освобожденная бичева, выпрямилась как тетива у спущенного лука и как пушинку смахнула Колю с берега в реку... Окунулся парень с головой и дна не достал, а когда вынырнул, то увидел, что его стремительно уносит от берега прямо к илимке. Кто-то бросил ему с палубы спасательный пояс, да схватить его Николай не успел.

Молодец, десятник, не растерялся: прыгнул в лодку, топором отрубил причал и за шиворот поймал уже захлебывавшегося Николая.

— Н-на, — говорил потом наш утопленник, переодеваясь, — речка здесь нешуточная... Да и с бичевой обращаться надо умело!

Но он привыкал быстро. И уже одобрительно смотрела на него артель лямщиков, и все чаще добродушно похваливал его вожак — Володя.

Силенки у парня для такой тяжелой работы было немного. Но он ловко и сметливо помогал в трудные минуты, вовремя отцеплял бичеву или ловил брошенный с илимки конец каната.

Однажды, днем, показались впереди высокие желтые скалы, и профессор, сверившись по карте, объявил:

— «Щеки»!

Действительно, это было узкое ущелье, тянувшееся километров на пять. По нему с особенной силой несло течение, сдавленное высокими берегами Тунгуски, Первую половину пути сделали по правому берегу, потому что левый был совсем отвесным и для лямщиков там не было прохода. Потом и правый берег оборвался крутым утесом, но зато на левом появилась узкая полоса бичевника. Надо было переправляться с берега на берег, но как-раз на середине пути вертела волнистые свои круги вторая корчага — водоворот.

Опытный рулевой не смутился.

— Корчага сейчас не страшна. Вода еще небольшая. Она скорее нам пользу принесет — приостановит илимку и к берегу ее откинёт.

Все влезли на судно. На илимке было два огромных весла — за каждое встало по два человека. Да чтобы еще усилить действие весел, привязали около лопашней их веревки и еще двое дергали каждую веревку, стоя на крыше илимки. Помогали гребцам.

Повернуло судно носом по течению и замелькали берега. А весла плещут, к другому берегу подбивают.

Побледневший немного Петя стоял наверху у мачты. Рядом спокойно наблюдал Николай. Вот илимку понесло к широкому кругу воды на середине речки. Еще миг и круг этот превратился в массу кругов, один другого меньше, в самой середине сходящихся в воронку, вроде большого кухонного котла.

— Сильней нажми! — скомандовал рулевой гребцам.

Илимку внесло в углубление и не успел Петюха даже как следует испугаться, как судно тряхнулось, круто повернуло носом в берег и выскочило из водоворота.

— Ура! — крикнуло несколько голосов на палубе, а обрадованный Петя затопал ногами и заорал:

— Ура! Ура!

Причалили благополучно.

5 В ПОИСКАХ ИСКОПАЕМЫХ

Красный, точно кирпичный, яр заметил вдали Николай и сказал профессору. Тот долго рассматривал берег в бинокль, потом задумался и обрадованный похлопал Колю по плечу:

— Молодец! хорошую штуку заметил!

А что за штуку — не сказал...

Техники и коллекторы засуетились, вытащили лопатки и кирки, и профессор распорядился причаливать к красноватому берегу.

— Что же это такое? — не вытерпел заинтересованный Николай.

— Сейчас увидишь, — сказал профессор, — бери-ка кирку! Это, паренек, следы каменноугольного пожара!

Николай совсем растерялся: какого пожара! Ни огня, ни дыма не видно!

Слезли они на берег, и Николай сразу же поднял кирпично-красную плитку глинистого сланца.

Помог коллектор:

— Здесь, видишь, был угольный пласт, в этой горе. От каких-то причин он загорелся и обжог прикрывавшие его глинистые сланцы так же, как на кирпичных заводах обжигают сырую глину в кирпич. От этого и красный цвет породы.

Еще более удивился Коля, когда нашел среди обломков камня кусочек блестящего угля.

Потом заметил длинную дорожку обвала, вынесшего на берег целый клуб перепутанных кустов и деревьев.

Обвал тянулся сверху и нагромоздил массу каменного щебня и глины, среди которых все чаще попадались угли.

Полез наверх Николай. Под ногами непрерывно осыпались потоки каменной мелочи. Порой срывался и большой обломок и, прыгая и хрустя, несся вниз, увлекая за собою осыпь.

Петя попробовал было лезть за приятелем, но понял, что это опасно и выбрал другую дорогу, сторонкой.

Каково же было удивление Николая, когда в середине горы он заметил черным поясом выступивший угольным пласт, через который сочилась вода ручейка.

— Уголь, уголь! — радостно закричал мальчуган.

Подоспел десятник и коллектор, запыхавшись поднялся сам профессор, и пошла работа!

Кирками очистили уголь от осыпи и измерили его толщину. Она оказалась равной почти трем метрам.

— Мощный пласт, — сказал профессор, — большие здесь запасы угля...

— А как же он не сгорел? — поинтересовался Николай.

— Выгорел другой пласт, более верхний на самой кромке берега.

Пете очень захотелось посмотреть сгоревший пласт и он полез вверх. Нога разминала жидкую глину обвала и скользила по твердому гладкому льду, бывшему под глиной.

Рассмотрев это, Петя понял и причину оползней. За зиму глинистый слой промерз глубоко. Летом оттаял на небольшую толщину. Потом пошли дожди, размочили оттаявшую глину и она под давлением собственной тяжести соскользнула обвалом по крутому обледенелому склону.

Сообразив это, Петя перепрыгнул на площадку мха, тянущуюся сбоку, и ухватился за покосившееся деревцо.

Вдруг под ногами его раздался хрустящий треск, деревцо качнулось, и моховый ковер вместе с Петей поплыл вниз. Не успел парень опомниться, как сверху вслед за ним сорвалась груда щебня. Обгоняя, катились мимо тяжелые камни, угрожая переломать парнишке кости.

В ужасе Петя бросился на катившийся мох — деревцо, за которой он держался, уже упало. Обвал разрастался, захватывал и с корнем выдергивал целые кусты. Облако пыли взвилось над лавиной.

Приготовившийся уже к смерти Петя почувствовал сильный толчок. Его подбросило, раза два перевернуло в воздухе и швырнуло в сторону в неподвижный и колючий куст. Обвал наскочил на выступ скалы и остановился.

Порядочно поцарапанный, в синяках и шишках, но в общем невредимый, Петя поднялся с куста и ошалело осмотрелся.

— Жив ты? жив? — кричали снизу голоса.

Оказывается, что на работавших около угля вдруг посыпался целый град камней. Едва они успели разбежаться!

Профессора все-таки угостило небольшим булыжником по спине, а Николаю ухо залепило здоровенным комком размокшей глины... А стальная лопата, подвернувшаяся под

удар тяжелой глыбы, была смята, как лист бумаги.

— Все хорошо, что хорошо кончается! — сказал профессор, протирая запыленные очки; — уголь нашли мы прекрасный!

Вечером, помогая укладывать образцы, Петя рассматривал плитку камня.

На плитке хорошо сохранился углистый отпечаток веточки папоротника.

— Видишь, — говорил коллектор, — это остаток одного из растений, из которых данным давно образовался каменный уголь.

Если дерево или мох после смерти своей будут оставаться на поверхности земли, то кислород воздуха скоро разрушит их. Остатки сгниют и рассыпятся в прах. Но, если это же дерево после смерти попадет в воду болот или будет прикрыто илом, то, защищенное от действия кислорода, оно станет не гнить, а медленно обугливаться. Так вот, громадные массы растительных остатков, погребавшиеся в прежде бывших больших озерах и болотах, превратились в уголь и были давлением тяжести своих слоев спрессованы в плотные, как камень, пласты.

А отдельные растения, попадавшие в тонкий ил тогда, когда этот ил окаменевал, оставляли на нем свои отпечатки.

— Интересно, — сказал Петя, — а что же эти растения были такие же, как и наши?

— Нет, растения в те отдаленные времена были другие. Тогда не было лиственных деревьев. Очень редко попадались и хвойные. А главная растительность состояла из гигантских папоротников и хвощей, которые были такими же большими, как самые крупные наши деревья. Теперь эти породы вымерли.

— Так, — сказал Петя, — стало быть по отпечаткам и узнают, какие были растения прежде?

— Ну, конечно.

— И по растениям можно узнать, когда образовался уголь?

— И уголь, и другие породы. Чем больше похожи остатки растений на современную растительность, тем, значит, моложе и породы, в которых они находятся.

Как-то утром с илимки заметили быстро двигавшуюся навстречу лодку. Лодочка была необычная. Длинная и узенькая, она вся была сделана из бересты, которая покрывала легкие, деревянные упруги.

В середине лодочки, глубже чем по пояс, сидел тунгус, вытянув вперед ноги, и ловко огребался длинным и тоненьким двухлопастным веслом.

Лодка, как коричневая сигара, разрежала легко и быстро поду.

— Ага, тунгус в своей ветке к нам едет, — сказал десятник, — веткой у них берестяная лодка зовется и у каждого тунгуса такая обязательно есть!

Под'ехал смуглый, с длинными черными волосами туземец.

— Ого! — крикнул он, — здравствуй!

— Здорово, — ответил рулевой, — рыбу привез?

— Рыбу, рыбу! — засмеялся тунгус.

Пока у него покупали прекрасную стерлядь, тунгус прицепил свою веточку к борту илимки и ехал рядом, внимательно разглядывая незнакомых русских.

Бывалый профессор немного говорил по-тунгусски. Ему помогал Володя-лямщик, много промышлявший вместе с туземцами. Недалеко за мысом оказался тунгусский стан.

Интересно было посмотреть, как живут эти северные люди и Николай с Петюхой поднялись на высокий берег.

У кустов их встретил стройный и белый олень. С громадными, пушком поросшими рогами, он спокойно пасся, позванивая колокольчиком ботала.

Меж деревьев стояли чумы — шкурами обтянутые шатры-жилища. У дымившихся тут и там костерков толпами сбились серые, желтоватые и белые олени. Тут были и крупные сильные быки и изящно и нежно сложенные самки и маленькие оленята, раскрывшие розовые рты от жары.

Рядом с каждым чумом громоздились горкой наложенные потакуи — переметные сумки из оленьей кожи, затянутые шнурками. В сумках хранились запасы муки и других продуктов. Из отверстий чумов показались любопытные мордочки чумазных ребятишек. Изредка полаивали сбежавшиеся собаки, и тунгусы вышли встречать гостей.

У профессора в этом месте нашлась работа — надо было осматривать какую-то скалу, и экспедиция осталась ночевать у тунгусского стана.

Много ребята увидели здесь знакомого.

Недаром жили когда-то около южных туземцев — карагасов. Узнали, что тунгусы летом живут, главным образом, добычей рыбы, а зимой промышляют белку, колонка и горностаю, изредка добывая и соболя, мало водящегося в этих горах.

— А медведей добываете тоже? — спросил Николай, сидя у костра.

Тунгусы отрицательно замотали головами, заговорили по-своему, а один ответил по-русски:

— Медведя чего добывать? Ты его не тронешь и он тебя не пошевелит. А если очень пакостить станет, за оленями гоняться или другое-что, так соберемся человек десять и убьем.

Из слов этих поняли ребята, что тунгусы медведя очень боятся.

Над одним из чумов на жердинке висела белая тряпочка и шкурка белки.

— Видишь, — толкнул приятеля Николай, — у них еще и шаманы остались, вроде наших попов. А это висит приношение какому-то духу...

К вечеру ребята совсем освоились. Говорили и через переводчиков, об'яснялись и сами. Тунгуска вынесла белой крупчатой муки, замесила на воде лепешку и бросила ее в

горячую золу костра. Через полчаса все угощались суховатым, но вкусным, испеченным тестом.

— Хлеба, как у русских, у нас нет, — об'яснил один тунгус.

Потом вышли две девушки, взялись за руки и начали напевать и припрыгивать. Потом к ним присоединилась третья, затем подошло несколько парней, и круг хоровода расширился.

Горели костры, в потемневшей тайге все громче и веселее раздавались песни и смех. Под конец подошли и взрослые, и старики, и веселье стало общим.

Один пел, хоровод подхватывал припев и дружно отплясывал танец.

— В кооператив привезли хорошую муку, — запевал старик, — теперь мы поедим, поедим!

А хор раскатывался припевом:

— Кур-я! я-кур-я! Ка!

Другой начинал:

— Молодые глухари стали большими и жирными, скоро мы будем их промышлять!

И опять подхватывал хор припев.

У костра старик об'яснил ребятам, как устроена земли:

— Есть большое озеро, — говорил он, — и на этом озере остров. Вот там мы и живем. Еще другие есть острова и на них живут другие люди. И вот, пойдешь на север и будешь идти тайгой и пройдешь тайгу. И хребтами будешь идти и пройдешь хребты. А потом будет тундра и пойдешь ты тундрой, А за тундрой море и там уж конец света. А к морю ты не ходи, потому что живут по берегу его мирогды. Вроде человека мирогда, только нет у него, головы, а есть на плечах одна шея. И когда поймает мирогда человека или орона (оленя), то с'ест шеей! Сам куты (медведь) боится мирогды и туда не ходит. А если живут там куты, то надевают белую шкуру, чтобы мирогды его в снегу не заметили!

— Забавная сказка, — шепнул Николай Пете и в свою очередь стал рассказывать тунгусам об устройстве земли, о земном шаре, который вертится вокруг солнца.

Слушали его внимательно, но посмеивались недоверчиво.

Потом Петюха, найдя в кармане несколько конфет, угощал ими подошедших ребятшек, и старый тунгус одобрительно говорил:

— Только совсем плохой человек детей не любит! Был у нас один такой, но он ушел.

— Сердитый был? — спросил Петюха.

— У-у! шибко плохой человек! Он жену свою убил, до смерти убил. А потом испугался, что посадят его в железную коробку и ушел на речку Берея-Кан. Там плохое место — у-у! Плохое! Там и живет теперь.

— А чем же она плохая эта речка, И почему там его не поймают?

— Одна такая речка по всей Тунгуске. С ледяными воротами эта речка. Там и летом — зима. И шибко вода в ней играет — может человека утопить. А к плохому человеку как подойдешь? Он говорит — тунгусы придут на речку — из винтовки буду стрелять. Русские придут — из винтовки буду стрелять. Так один и живет вроде как кружалый (сумасшедший).

— Хуже мирогды! — посмеялся Николай.

Только под утро вернулись ребята на илимку и не одни, а с собакой. Им подарил ее старик-тунгус за то, что Николай подарил ему финский ножик.

Нового участника экспедиции назвали Хорькой от туземного слова хорей, что означает палку, которой управляют оленями.

Хорька был настоящей тунгусской лайкой — весь черный, с белым пятном на груди и острыми ушами.

— Ну, теперь мы и птицу, а может быть и зверя добудем! — заранее радовался Николай.

Он уже не тянул лямку, а носил за профессором разные инструменты. На илимке же три раза в день измерял температуру и записывал показания барометра. Делал это очень точно и счастлив был своей ученой работой безмерно!

Узнавши, что он охотник, профессор дал ему на пробу свою двухстволку, когда бежавший по берегу Хорька однажды залился зовущим лаем.

— Смотри, Никола, не сплешь! — взволнованно напутствовал Петя.

И у Николая билось сердце не в шутку. Еще бы! У всех на глазах первое его охотничье выступление и вдруг оскандалится он!

Взвездя оба курка, осторожно хоронясь за кусты, приближался он к дереву, под которым лаяла собака. Услышал куриное клохтанье глухарки и увидел большую коричневую птицу, сидевшую на суку. Хотел подойти еще поближе, повернее. Но глухарка забеспокоилась и стала вытягивать шею, разглядывая приближавшегося врага. Николай точно навел на птицу мушку и за облаком вылетевшего дыма разглядел, как мешком рухнула она вниз вместе с обломанными ветками.

В этот миг из соседнего куста, шумно захлопав черными крыльями, рванулся петух-глухарь и потянул вдоль опушки, мелькая в деревьях.

Николай повел ему вслед ружьем и из левого ствола далеко положил дичину...

Не было границ его торжеству, когда с богатой добычей возвращался он на илимку. Охотничий экзамен был сдан блестяще!

— Ну, молодец, парнишка, — хвалил профессор, — стрелок ты добрый! Так вот, когда нужен будет тебе дробовик, пользуйся этой двухстволкой. А если встретимся с медведем, то бери винтовку. Можешь взять ее сейчас и повесь себе над койкой, чтобы всегда она была у тебя под руками!

Это было уже верхом счастья!

Николай дышать боялся на черный, вороненый ствол маузеровского карабина. Каждое утро протирал его тряпкой, любовно отодвигал затвор и с восторгом смотрел, как удобно и быстро утопали в магазинной коробке пять патронов со страшными разрывными пулями.

А Хорьку оба мальчугана полюбили так же, как любили когда-то другую свою собаку — Буску.

Дунул попутный северо-западный ветер. На илимке подняли широкий четырехугольный парус. Парус надулся гигантским животом и легко потащил илимку. К полудню ветер окреп настолько, что белыми гребнями закипели волны, и судно несло так быстро, что только мелькали береговые камни.

Все очень радовались — не надо было тащиться с тяжелой лямкой и километры бежали за километрами, не требуя людских усилий.

Путешественники отдыхали. Кто курил и разговаривал, кто занимался починкой разорванной обуви.

Петюха подкладывал дрова под большой медный котел, в котором варился чай, и собирался чистить картошку.

Пробежали лесистый мысок, и за ним ветер вдруг переменялся и шквалом ударило сбоку. Илимку качнуло так сильно, что многие не устояли на ногах. Котел пролился и едва не обварил Петюху. Парус повернуло боком.

Рулевой делал тщетные попытки спустить его, но веревка застряла в блоке мачты, и парус не опускался.

Новый удар ветра повалил илимку на бок. Волна хлестанула за борт, потоком вкатилась вовнутрь.

Перепуганный Петя, не выпуская из рук ножа, приготовленного для картошки, как котенок, вспрыгнул на крышу к мачте подальше от коварной волны!

Рулевой топором отрубил веревку, но она застряла прочно и не спускала парус.

А с реки в пыли дождя уже мчался новый напор урагана. Тогда Петя ножом хватил веревки, привязывавшие парус к нижней рее[3]. В налетевшем шквале освобожденный парус со свистом взвился наверх и затрепетал гигантским флагом.

Илимка выпрямилась и вышла из опасного положения.

Петя был очень горд собой. Вот он какой! Даром что повар, а целый корабль от беды избавил!

Но о перепуге своем молчал...

Решили ребята устроить рыболовную снасть, которой промышляют по Енисею. Давно уже не было ни дичи, ни рыбы, а консервы приходилось беречь.

И принялись налаживать самолов под руководством опытного Володи.

К прочной нетолстой веревке привязали ряд шнурков с крючками. Шнурки сантиметров по 50 длиной. Вышло, что на каждый метр веревки приходилось по три крючка. Крючки были крупные, без зазубрин и острые как иголки. Навязав к поводкам, ребята подточили крючки подпилком. К основной веревке прикрепили каменное грузило.

— Вот, ребята, — говорил Володя, — ежели бы теперь эту снасть да в воду пустить, то легла бы она на дно и никакого толку бы не вышло. А значит, надо к крючкам пробочки привязать, чтобы держали они крючки на воде стоймя.

Так и сделали. И каждый крючок за изгиб приростили ниточкой к пробке.

Теперь самолов был окончен — на целых шестьдесят крючков!

Достали сухую ель, отпилили от нее сутунок величиною в шпалу и получился наплав.

Понравилась Николаю речка, глубоким устьем впадавшая в Тунгуску.

— Давай здесь самолов поставим!

Заплыли в лодке на стреж течения и перегородили устье крючками. Снасть утонула, и только привязанный к ней наплав указывал место, где был поставлен самолов.

— Утром вынем — посмотрим, — говорил Петя, — гребясь обратно на илимку, и рассказывал:

— Прибыльный этот способ, но только — хищнический. На самолов попадает стерлядь и осетр. Эта рыба ходит у самого дна, носом ил мутит и пищу себе отыскивает. И натывается на крючок. Худо, что много при этом рыбы уходит израненной. Попадется плохо, раздерет себе бок и вырвется. И погибнет потом без пользы. Но по Енисею самоловами больше всего стерлядей и осетров ловят.

На берегу попался Николаю черный и блестящий камень. Руки пачкает, как карандаш, и легкий.

— Нет — не уголь, — решил Коля. — Давай профессору покажем!

Положил себе в карман, да и позабыл.

Утром, перед отправкой, поехали смотреть самолов, захватили с собой короткий багорчик, острый железный крюк, насаженный на шестик.

Поплавок был попрежнему на месте и, зацепившись за него, ребята вытащили конец веревки.

Первые семь крючков были пустыми. На восьмом, попавшись за брюхо, трепетала небольшая стерлядка.

— Вытягивай еще, вытягивай! — увлеченно настаивал Петя. Еще на трех удах оказались стерляди. Дальше пошли пустые крючки и осталось их всего четыре штуки, когда из-под лодки, покорно выплывая за поводком, в воде мелькнула огромная рыбина.

— Петька, багор! — еле успел выкрикнуть Николай.

Но рыбина болтнула хвостом, рванулась, лодку потащила вниз, веревка вырвалась из рук и один из пустых крючков ее глубоко впился Николаю в палец!

Вскрикнув от боли, парень успел перехватить поводок и сдержал тем крюк. Кровь полилась из пальца, ну другой рукой он поймал веревку и замотал за уключину. Рыба перестала тянуть, и лодка остановилась.

Выдернув крючок из пальца, Николай снова начал подтягивать к себе снасть, а Петюха стоял на борту, держа наготове багор.

Вот опять, медленно выплывая, показалась у лодки темная рыба спина. Петя тихо подвел под рыбу багор и, что силы хватило, рванул его на себя.

Крюк глубоко пропорол добычу, а Петя слетел бы за борт, если бы колина рука не поймала его за пояс.

С минуту длилась ожесточенная борьба. Лодка плясала, рыба взбивала хвостом фонтаны брызг, ребята орали и тащили шест багра и веревку. И еле выволокли в легшую бортом на воду лодку двухпудового осетра.

Чудовище тяжело раздувало жабры, шевелило хвостом и из многих ран его обильно сочилась кровь. Ударом топора Николай прекратил его мученья.

На илимке все радовались вкусной еде и перевязали Николаю пораненный палец. Тут только вспомнил он о черном камне, забытом в кармане. Находкой заинтересовался профессор.

— Это — графит. Из него делают карандаши и особые сосуды, называемые тиглями. В тиглях при высокой температуре переплавляют металлы. Жаль, что этот кусок случайный, неизвестно откуда принесенный водой. Но присутствие его говорит, что и коренное месторождение этого ископаемого недалеко...

— А как же вы узнали, что оно недалеко, — заинтересовался Николай.

— А это видно по состоянию обломка. Он совсем не окатан водой и имеет острые края. А графит очень мягок и, вероятно, был бы разрушен, если бы перетаскивался рекой издалека. И, во всяком случае, был бы тогда закруглен и оглажен как галька.

— А правда, — спросил Николай, — что графит часто встречается там же, где и уголь?

— Правда, — ответил профессор, — потому что он нередко происходит из угля. Здесь на Енисейском севере, в древние времена истории земли образовались огромные залежи угля, занимая площадь в один миллион квадратных километров. Теперь говорят, что угли этой площади принадлежат Тунгусскому угленосному бассейну. В отличие от Кузнецкого бассейна, Черемховского или — в Европейской части Союза — Донецкого.

Если бы с тех пор на поверхности земли не было перемен, то к нашему времени сохранились бы несчетные количества угля. Но вскоре за образованием Тунгусского угольного бассейна на его территории начались большие вулканические извержения. Местность была разбита огромными трещинами из них вылилась на поверхность расплавленная каменная масса, которую называют лавой. Эта лава захватила, приблизительно, половину площади бассейна. На этом завоеванном пространстве большую часть углей лава сожгла, а другую превратила в графит. А сама толстыми пластами затвердела в горы.

Запасов углей Тунгусского бассейна мы еще не знаем. Но, вероятно, они велики. Если Кузбасс, имеющий площадь всего в 26 тыс. кв. км, содержит более пятисот миллиардов тонн каменных углей, то на площади в пятьсот тысяч кв. километров угля должно быть очень много.

Значительны, вероятно, и запасы графита. Находятся они по речкам Фатьянихе, Бахте и Курейке. На этой реке, отстоящей на сто пятьдесят километров к северу от Туруханска, уже много лет как работает графитовый рудник.

А теперь, как видите, графит мы находим и здесь, на Нижней Тунгуске.

— Ну, а как же в графит-то уголь перешел? — допытывался Петя.

— А видишь ли, в угле содержится, кроме вещества углерода, и много других смолистых и даже газообразных веществ. И если уголь попадет в соседство с раскаленной лавой, то нагреванием из него удаляются все летучие вещества и остается почти один углерод. Тогда уголь и образует графит.

— А стало-быть горы эти, — спросил Николай, — указывая на огромный хребет с плоской спиной, — произошли из лавы?

— Да, из расплавленной каменной массы. Иногда она выливалась потоками на поверхность, иногда же застывала в массивы на глубине. Горные породы, которые получились от застывания лавы, называются изверженными. Например — гранит. Обычно он — светлый, потому что в нем много белого минерала — кварца. А здешние изверженные породы — как видите — темные, почти черные, оттого что в них мало кварца. И называют их не гранитами, а траппом. Ну, а кроме изверженных пород еще какие бывают?

Петя смутился, а Николай поприпомнил и ответил:

— А, вот, что в воде осаждались. Из того песку и ила, которые реки в море сносят. Там на дне, слой за слоем, они отложились и, со временем, из рыхлых пород превратились в твердый камень...

— Это — осадочные породы, — добавил Петя.

— Молодцы, — похвалил профессор, — верно сказали! Ну, а какие вы знаете осадочные породы?

— Песчаник, — ответил Николай, — каменный уголь.

— Известняки, — добавил профессор, — глины и многие другие. В конце экспедиции все будете знать!

6

СТРАШНАЯ РЕЧКА

Нашли очень интересную скалу. Она выступала в реку стеной. Так как не было около нее течения, то на веслах обошли утес, и тут-то профессор и заметил заинтересовавшую его породу.

Поглядевши, он решил, что здесь придется сделать остановку может быть не на один день, и с илимки бросили якорь.

На другом берегу, напротив, впадала в Тунгуску речка, вытекавшая из высоких скал, Николай поехал на ту сторону поискать глухарей и вернулся, привезя целую горсть графитовых обломков.

— В этой речке должен быть гр

афит и ее стоит исследовать, — сказал профессор. — Берите-ка лодку, — обратился он к своему помощнику Ивану Николаевичу, — захватите Николая и Петю, припасов и отправляйтесь так, чтобы вернуться сюда на третьи сутки...

Ребята с восторгом принялись за приготовление.

Петя получил дробовик, Николай маузеровский карабин, взяли чаю, сахару, соли и сухарей и, конечно, Хорьку.

Меж широко разошедшимися горами вытекала речка.

Нагромоздила бугры громадных галек и прорыла себе многочисленные каналы. По главному руслу пройти было, невозможно. Там ревели и в пенные клубы сбивались валы порога. Пробрались одним из каналов.

— Настоящая горная речка, — сказал Иван Николаевич, — видите, как она изменяет свой путь? Размывает собственные наносы и в нынешнем году, прорывает себе дорогу там, где в прошлом накопляла гальку.

На веслах по речке идти было трудно — мешало быстрое течение. Поэтому Петя вылез на берег и повел бичевою лодку, а Николай, взявши шест, стал на корму и управлялся, одновременно нажимом шеста продвигая лодку вперед. Иван Николаевич сидел, разглядывал в бинокль скалы и записывал свои наблюдения.

Так проехали до самого вечера и все чаще и чаще встречали в прибрежной гальке куски графита. И все ближе подходили к высоким скалам, словно сдавившим реку. Перед самой остановкой Петя посмотрел себе под ноги и крикнул:

— Гусиные следы! Дайте-ка мне ружьишко!

И, повесив на плечи двухстволку, шел, таща бичеву.

Место попало тихое, Хорька, набегавшись за день, спал у ног рассматривавшего карту Ивана Николаевича. Вдруг Николай увидел, что Петя бросает бичеву, сдергивает с плеча ружье и опрометью пускается к лодке...

Ничего не понимая, Николая все же подвел корму к песку. На лице удиравшего Пети был написан неподдельный испуг.

— Гусь что ли за тобою погнался? — пошутил Иван Николаевич.

В этот миг добежавший до лодки Петя обернулся к кустам и выстрелил по их направлению. В кустах раздался свирепый рев, и бурой копной на берег выкатился медведь.

Петя кубарем ввалился в лодку, Хорька завизжал и залаял, а Николай оттолкнулся далеко в реку.

Шум стоял всеобщий.

— Ружье! Ружье, — кричал Николай.

— Лодку перевернете! Тише! — кричал Иван Николаевич.

Петя орал просто так, без слов, ему вторил остервеневший Хорька, а на берегу тряса головой и яростно рявкал медведь.

И вдруг, обнаглевший зверь ринулся в воду и шумно поплыл к лодке, оскаливая на поверхности морду.

Этого уж никто не ожидал!

Тут под руку Николая попался карабин. Привстав в качавшейся лодке, он спустил курок. Пуля взрыла высокий фонтан воды, перед самым медвежьим носом.

Зверь испуганно фыркнул и повернул назад. Вторая пуля, просвистав над его головой, разбрызгала по берегу гальку. Третий раз выстрелить Николай не успел.

Хорька через борт рванулся в реку и от внезапного толчка Николай плюхнулся на дно лодки.

Медведь исчез в кустах, потрескивая сучьями.

Тогда, переглянувшись, все громко расхохотались...

— Ну, задал же он нам представление, — восхищался Николай.

— Кто же кого напугал-то больше? — допытывался Иван Николаевич, а Петя огорченно укорял Хорьку:

— И дернуло тебя дурака в воду прыгать! Был бы у нас медведь и тебе бы кусочек достался!

Для ночевки переплыли на остров, на широкую песчаную косу, где было не так много комаров. Развели жаркий костер, поужинали добытыми за день тремя рябчиками и крепко заснули.

Утром оказалось, что они находятся перед высокими скалами, между которыми река текла, как в коридоре. Выше на лодке, к огорчению путешественников, итти было невозможно.

Течение сделалось стремительным, река рвалась через камни, шумела в перекатах, бешено ударялась об утесы.

Порешили дальше двигаться пешком, привязав перед входом в ущелье покрепче лодку, В заплечные мешки набрали провизии, спичек, кружки и котелок. Петя взял двухстволку, Николай карабин, а Иван Николаевич своего неизменного спутника — молоток, которым он отбивал от камней образцы.

Уже при входе в теснины почувствовался холод, который при легком ветре делался пронизывающим.

По обоим берегам тянулись удобные для ходьбы террасы. Выше недоступными стенами вздымались берега ущелья.

Итти было очень интересно. За каждым поворотом реки открывалось что-нибудь новое. То причудливо нависшие крутые утесы, то водопадами низвергающаяся река.

Становилось все холодней и холодней, словно путешественники спускались в какой-то погреб.

Завернув за один кривляк, из-за которого тянул туман, все остановились, пораженные невиданным зрелищем.

С обоих берегов, спускаясь к воде, сверкали горы льда! Синей морщиной извивалась трещина, открывая огромную толщину ледяных пластов.

Между льдами неслась река, и вода ее казалась черной от белизны берегов.

Петя немного даже оробел. А Николай вопросительно смотрел на Ивана Николаевича, ожидая раз'яснения.

Лед оказался очень толстым, метров на семь, и весь спаянным из отдельных пластов.

— Это зимняя наледь, — решил Иван Николаевич, — она не растает и до следующей зимы! Речка здесь мелкая и примерзает до дна. Поверх ее льда выступают грунтовые подземные воды и замерзают ледяным слоем. Ударит мороз и опять выступят новые порции воды и смерзнутся коркой. Так за зиму и растет эта наледь, образуя к весне толстый ледяной пласт...

— Ишь, словно ледяные ворота! — сравнил Николай.

— Постой, постой, — вспоминал Петюха, — кто это нам про реку с такими воротами говорил? Да тунгусы! И, помнишь, пугали еще, что на этой речке полоумный якут живет? Который жену свою угробил и всякого приходящего из винтовки стрелять обещал?

— Ну, винтовка у нас и своя неплохая! — похрабрился Коля.

А все-таки мрачное ущелье, туманом дышащие льды, грохот реки и отвесные скалы обрывов не очень-то веселили!

После льдов дорога сделалась трудной. Карниз по краю реки стал узким, местами заваленным глыбами камня. Итти приходилось очень осторожно, чтобы не сорваться в воду.

И все-таки, путники бодро шагали вперед, подгоняемые жадным любопытством — а что же будет дальше?

В тенистых расселинах наверху нередко виднелись толстые полянки прошлогоднего снега. В иных местах они вероятно недавно сорвались в воду, увлекши за собой обвалы камней, загромождающих реку.

Вдруг Иван Николаевич сразу остановился, ударил молотком по черно-блестящей скале и удовлетворенно воскликнул:

— Графит!

Это был серебристо-черный и мягкий камень, словно ступенями лестницы выступавший из недр утеса.

Путешественники ликовали — они достигли того, чего хотели!

— Вот смотрите, — об’яснил Иван Николаевич, — графит со всех сторон окружен твердой изверженной породой — зеленоватыми и черными траппами. Эти траппы залили своей лавой бывшую здесь когда-то толщу угля и обратили этот уцелевший участок в графит...

— А во-время нам он попался, — заметил Николай, — дальше-то и дороги нет!

Действительно, выше графитовой скалы береговая терраса исчезала, и дальше тянулись отвесные стены.

— Эх, досада! — воскликнул Петя, — да там опять графит выходит!

И впрямь, шагах в двухстах повыше первой, черной скалы, виднелась вторая.

Но, увы, пробраться к ней было невозможно.

— Ну, Петюха, ты чай кипяти, а мы с Николаем измерения будем делать! — так решил Иван Николаевич.

Петя набрал обломков сучьев, скатившихся сверху, и, разведя костерок, повесил над ним котел.

А Иван Николаевич сперва горным компасом определил, в каком направлении тянется пласт графита, а потом рулеткой измерил его толщину.

— Окончательная промышленная разведка, — рассказывал он, — всегда старается узнать об’ем пространства, занимаемого полезным ископаемым. Положим, что оно определилась в тысячу кубических метров. Тогда, зная, сколько весит один кубический метр графита или другого ископаемого, можно узнать вес запасов всего месторождения...

За чаем продолжали эту беседу.

— А зачем узнавать запасы, — интересовался Петя.

— А как же! Положим, мы нашли железную руду и хотим из нее добывать чугун. Так прежде, чем строить рудники и завод, надо точно знать, каким количеством металла они обеспечиваются. А то выстроим большой завод, ухлопаем на него крупные средства и вдруг руды окажется мало!

Так разговаривали они, пережевывая сухари, пока ни опростали весь котелок. Николай, случайно взглянул на реку и очень удивился...

Встал, пристально пригляделся и неуверенно сказал:

— Глядите-ка! Не то река обмелела, не то берег поднялся!

Все вскочили, начали смотреть. К их удивлению, до второй графитовой скалы теперь свободно можно было добраться по осушившемуся карнизу.

Вода в реке убывала почти на глазах! Недавно бывшие под поверхностью камни, теперь обнажились и сверкали своими мокрыми головами.

— Пошли графит смотреть, — обрадовался Петя и, наскоро собрав котелок и посуду, побежал к скале.

За ним пошел, все еще удивленный, Николай, а сзади шагал что-то соображавший и очень озабоченный Иван Николаевич.

Когда добрались до графита, то речку курица сумела бы перейти в брод!

Вода еле журчащими ручейками сочилась меж камней, лужами накапливаясь в ямах.

И тогда Иван Николаевич, вместо того, чтобы осматривать графит, остановил ребят и изменившимся голосом сказал:

— Я понял в чем дело. Может быть большая беда! Вероятно, речку где-то недалеко сейчас засыпало обвалом. Получилась запруда, и вода накапливается сейчас вверху. А как только она прорвет запруду, то ринется вниз таким валом, который смоем нас как пылинку!

— Бежать надо! — сразу же отозвался Коля.

— Куда? — раздумывал Иван Николаевич, — если назад — то не меньше часу надо до ледяных ворот идти! А часа запруда может и не продержаться...

— Особенно, если она из снега, — догадался Николай, — тогда ее живо размочет.

Все замолчали. Даже черный Хорька почуял тревогу людей, притих и жался к ногам...

— Наверх лезть надо! Наверх! — вдруг завопил Петюха, — ох, не хочу я, чтобы меня потопило! И Кольку и Ивана Николаевича!

— Не нюнь! — прикрикнул строго Коля.

Живо осмотрели стены ущелья. Первая скала графита поднималась крутыми уступами метров на десять. А выше, в массиве траппа, виднелась узкая расселина, уползавшая куда-то вверх.

— По той скале и — до трещины! — такскомандовал Иван Николаевич.

И действительно, несмотря на страшную крутизну указанного пути, больше подниматься было негде...

И все четверо, считая и Хорьку, бросились обратно, к первому графиту.

В ущелье стояла зловещая тишина. Вода не прибывала, но и не убывала.

Увы, склоны графита оказались такими скользкими и сглаженными, что, при первой же попытке забраться, Коля с'ехал на животе и ушиб себе коленку.

— Давайте ступени рубить! — распорядился Иван Николаевич. Как благодарен был Николай графиту за то, что тот оказался таким мягким!

Он приставлял к скале свой толстый охотничий нож, а Иван Николаевич ударял по ручке его молотком, и графит откалывался плитками.

Николай поднялся на первую приступку и стал рубить вторую ступень.

— А вы веревку готовьте, — крикнул он вниз, — собаку надо поднять!

Порвали две рубашки, скрутили из них жгутом веревку и обвязали под брюхом испуганного Хорьку. Коля взобрался метра на три. Выравнил там уступ скалы и сделал площадку, на которой могли уместиться все. Тогда Иван Николаевич сменил его и начал рубиться выше. А Петя с собакой пока еще дожидались на берегу.

— А что, — говорил Николай, ведь чем дальше вода не идет, тем сильнее она потом ударит?

— Должно быть, что так! — отвечал Иван Николаевич, вколачивая нож поглубже.

Работали яростно и упорно. Порой неверный удар ранил руку. Но на это некогда было обращать внимания — надо было спасти свою жизнь!

И когда, наконец, долезли до верха графитовой скалы и подняли туда ружья и остатки припасов, Петя снизу испуганно заорал:

— Вода идет! Вода! Собаку скорей подымайте!

А сам, забравшись на первую площадку, тянул беспомощно болтавшего в воздухе лапами Хорьку.

Помог Николай.

А вода сразу дошла до прежнего уровня и как будто бы остановилась. Только белые, пенные круги неслись по ее поверхности.

В ущелье издали загудел отдаленный шум, будто глухо ухнул громовой раскат.

— Наверх, скорей, скорей! — торопил Иван Николаевич.

От графитового утеса начиналась сырая и темная расселина, кое-где поросшая кустиками ольхи. В нее и полезли путешественники. И у каждого было одно сознание, что спасение впереди и выше и что отступления быть не может.

А снизу пенными грядками накатывала вода и путаным клубом тащила перед собой вырванные деревья.

Уже была затоплена не только терраска, по которой часа три тому назад пробирались люди, но залило и нижнюю площадку, прорубленную в графите.

Цепляясь за остряжки камней, хватаясь за кустики, на руках подтягивались беглецы все выше и выше.

Последним лез Иван Николаевич. А когда компания взбиралась на длину веревки, то общими усилиями, разом, втаскивали к себе собаку.

И ни у кого ни разу не мелькнула мысль, чтобы бросить на гибель Хорьку.

А бешеный поток уже залил всю графитовую скалу и, словно в гигантской трубе, с грохотом несся по ущелью.

Поглядел было вниз Петюха, и едва ни закружилась у него голова! Если бы и упала теперь вода до прежнего уровня, то, все равно, спуститься вниз крутизной, на которую погнало их отчаяние, было бы невозможно... Всякая попытка сойти вниз обещала только гибель.

Но вот, узловатые стенки трещины, метра на три, сменились обрывом... Что делать?

А вверху, над головами, где-то близко уже синело небо и зубцами торчали края пропасти.

— Врешь, вылезем! — упрямо промолвил Николай.

— Вылезем... — через зубы процедил Иван Николаевич. И Петя, переведя дыхание и боясь взглянуть себе под ноги, слабо пискнул:

— Вылезем!

Раздумывать было нечего. Иван Николаевич, как самый сильный, уперся руками и ногами в стенки расселины, а Коля, забравшись к нему на плечи, и ухватившись за выступ камня, подтянулся на оказавшуюся вверху площадку...

На краю ее росла березка. Николай попробовал деревцо — стоит крепко!

Тогда Иван Николаевич снизу закинул ему веревку. Николай обернул ее вокруг березы и, держа конец обеими руками, весело кричал, наклоняясь над бездной:

— Здесь выход! Хороший выход!

Первым, держась за веревку, полез Иван Николаевич и выбрался благополучно. Потом Петюха навязал оставленные ружья и припасы, и их выдернули легко. За грузом последовала собака. Пете же приказали не лезть, а обвязаться веревкой крепко и держаться за нее что было сил! Даже, вдобавок, спустили два связанных ружейных ремня.

Петя зажмурил глаза, впился руками в веревку и почувствовал, как ноги его заболтались в воздухе... Приоткрыл глаза и увидел под собой головокружительную пустоту провала!

В эту минуту его, подхватили за плечи и вытащили на поросшую травкой площадку... А вверху, где-то над головой, как ни в чем ни бывало, уже заливался лаем нашедший птицу Хорька...

Наверху была полная безопасность, отдых и мягкая постель на моховом покрове.

А страшная Берея-Кан, ревавшая в ущелье, и круча обрыва и веревка, на которой, подлинно, висела их жизнь, все это осталось там внизу, в сырости и холоде провала.

А сейчас над путешественниками сияло жаркое солнце и бабочки, как летучие цветки, перепархивали по камням... И, за радостью избавления, быстро тускнела недавняя опасность!

— Пусть теперь хоть до краев поднимается речка, — совсем осмелел Петюха, — все равно убежим!

Вспомнили о лодке. Она, несомненно, погибла, захваченная потоком. Вместе с оставленными вещами.

— Что уж жалеть! — засмеялся Иван Николаевич, — спасибо, что сами-то живы остались!

Отдохнув, решили идти назад, к Тунгуске, держась направления трещины, в которой текла река. Местность, по которой они проходили, была высокой, слабо холмистой платформой, поросшей чахлой, северной тайгой.

Из древесных пород здесь росла только лиственница, да и то истощенная и гнилая посредине.

— Это оттого, — объяснил Иван Николаевич, — что дерево не получает здесь, в промерзлой почве, достаточно пищи. Его рост скоро останавливается и оно начинает гнить на корню.

Кругом был густой олений мох и низенькие северные березки, вроде кустарников, едва поднимающиеся до пояса человеку. Под ногами путались кустики пахучего богульника.

Чем дальше шли путешественники, тем ближе становилось к вечеру и тем больше поднималось вокруг комаров. Сперва друзья только отмахивались, потом пришлось вспомнить, о сетках. К счастью, эти необходимейшие для таежного путника вещи были при них!

Комары облаками реяли над идущими, бились о волосяную сетку и, как огнем, обжигали руки, Иван Николаевич вспомнил, что в его заплечном мешке сохранился пузырек дегтя. Натер им руки и итти стало легче — комары не садились.

Перед ночлегом Пете посчастливилось застрелить белую куропатку и на остановке решили сварить из нее суп, приправив его сухарными крошками.

Несмотря на дым, комары тучами вились и над костром, и, как пыль, сыпались в котелок. Петя ложкой вычерпал густой их слой из котла, но суп через минуту подернулся новой пенкой из сваренных комаров!

Тогда котелок догадались накрыть берестой и так уж доваривали свою похлебку.

Сухарей едва осталось на утро, а идти, вероятно, предстояло еще долго. Очень мешали глубокие ложбины, отходившие от ущелья, и хребтики, часто преграждавшие дорогу. На обходы их уходили многие часы и много силы... В буреломе косогоров приходилось далеко уходить от нужного направления и это отнимало много сил и времени.

Но утро вечера мудренее! — решили друзья и, подбросив в костер сушин, заснули.

Не спалось только Пете. Едва он начинал дремать, как невольно вспоминалось пережитое за день. Тогда ему снилось, что он висит на тоненькой ниточке над обрывом, а за ноги, снизу, его старается поймать большой медведь... И Петя просыпался.

И снова засыпал от усталости. И опять ему снилось, что он застрял в ледяных воротах, и речка тянет его вниз, а Иван Николаевич и Коля, ухвативши за ноги, тащат наверх!

Опять проснулся Петя и увидел, что во сне он засунул под каряжину ногу и ее защемило, как в капкане...

Все было по-ночному тихо, только внизу, словно под землю, грохотала глухо речка. Был сумрак, костер прогорел до углей, и Хорька, жавшийся к огоньку, что-то чутко слушал... Тогда и Петя отчетливо услышал словно бряканье бубенчика. И понял, что это олень ботало, и что где-то недалеко бродит ручной олень. В этот момент Хорька громко залаял...

— Цыц! Цыц! — шипел на него Петюха, а пес отбежал в сторонку и продолжал лаять, неосторожно будя тишину.

Недалеко ему отозвался второй собачий голос. Петя вдруг вспомнил про страшного якута и бросился будить товарищей.

Обсудив положение, решили, что предполагаемое жилище находится как раз у них на пути, и обойти его было никак нельзя. С одной стороны мешала речка, а с другой — поднимался крутой хребет.

— Опасаться какого-то нападения нам просто смешно, — так сказал Иван Николаевич. И прибавил:

— Тунгусы — народ очень мирный и добродушный. Да и все туземцы такие... Конечно, если этот якут сумасшедший, то придется быть осторожнее. Но я думаю, что скорее мы встретим хороших людей и отыщем у них и пищу и помощь!

Все же пошли с опаской. Николай шагал с заряженным карабином, Петя — с двухстволкой. Иван Николаевич никогда не охотился, стрелял очень плохо и поэтому шел с молотком.

Двигались, растянувшись цепью, а Хорька бежал впереди, вроде разведчика.

Подойдя к небольшому пригорку, путешественники увидели перед собою ложбину, на которой стоял чум.

На жердинах висело разное тряпье, а перед входом сидела, насторожившись в их сторону, собака.

...И едва только, скрытые кустарником, наступавшие приподняли головы, как собака яростно залаяла и заметалась!

Тогда из чума вынырнула непокрытая голова, и через секунду выскочил человек с ружьем.

И ребята и Иван Николаевич прилегли к земле, наблюдая сквозь ветки кустов, что будет дальше.

Водя в их сторону ствол, человек напряженно рассматривал кусты, а потом, вскинув ружье, гулко выстрелил в сторону Ивана Николаевича!

Петя вскочил как на пружинах и, один за другим, выпустил два дробовых заряда в ответ... Хорошо еще, что для дробы было далековато!

В разбежавшихся клубках дыма Николай заметил, что человек укрылся в чуме. Была секунда, когда он сам едва не спустил курок карабина, нацелившись в середину туземного жилища... Но Иван Николаевич во-время крикнул:

— Стоп! Не стрелять!

— Эй, кто там! — кричал Иван Николаевич в сторону чума. — Мы не худые люди и вас не обидим! Выходите и станем говорить. А если будете стрелять, то мы вас убьем!

Чум угрожающе молчал...

Иван Николаевич забежал между Николаем и Петей и, как заправский военком, распорядился боем!

Положение становилось трудным. Идти вперед было опасно, потому что в любой момент можно было получить из чума пулю в спину. Поэтому Иван Николаевич, во что бы то ни стало, решил вызвать его обитателей наружу.

Началась осада.

— Если сейчас никто не выйдет поговорить с нами, мы будем стрелять! — так громко объявил Иван Николаевич, повторив свою фразу и по-русски и, как умел, переведя по-тунгусски.

Никто не отзывался.

Тогда он скомандовал Николаю:

— Целься в самый верх чума, в место, где сходятся его жерди. И попробуй скорее выпустить три патрона. Слушай сигнал!

Николай припал к земле, наведя карабин.

— Выходи! — еще раз крикнул Иван Николаевич. — Не выходишь?! Пли!!

Три раза молнией сверкнул карабин. И три раза оглушительно резкий удар раскатывался в хребтах...

С верха чума полетели клочья разодранной ровдуги[4], обломки палок, поднялось облачко пыли...

С последним выстрелом изнутри послышался вопль. Человек выскочил из чума, завертелся на месте, вскинул руками и, как сноп, грохнулся оземь.

— Неужто убил!? — в ужасе пролепетал Никола. — Вперед! — крикнул Иван Николаевич и, мигом, все трое были около чума.

Человек с лицом туземца лежал навзничь, раскинув руки. На страшно перекошенных губах его дрожали пузырьки пены, он тяжело дышал...

Осмотрел его Николай и скорее на спину переворачивать и опять смотреть...

И отлегло у него на сердце — крови нигде не было видно. Иван Николаевич наклонился, внимательно ощупал лежавшего и улыбнулся:

— Не ранен! Только обморок!

И Николай почувствовал себя бесконечно счастливым — он не убил этого человека! Но тут из чума послышался чей-то стон, и ребята испуганно опять схватились за ружья. Иван Николаевич первым перешагнул вход и в изумлении остановился.

Внутри, забившись в темный угол, в позе смертельного ужаса, сидела тунгусская женщина. Увидев вошедших, она вся сжалась, словно дожидаясь последнего удара...

Иван Николаевич словами и жестами об'яснял, что они ничего худого ей не сделают, а переконфуженные ребята вторили ему.

Женщина вначале сидела неподвижно. Потом отняла руки от смуглого, немолодого лица и, убедившись, что ей действительно не грозит опасность, вскочила и ловко выбежала из чума...

Там она бросилась, к лежавшему человеку и, первым делом, осмотрела его. Поняв, что он жив и не ранен, она быстро заговорила по-тунгусски, примешивая к своей речи отдельные русские слова.

И чем дольше слушали путешественники ее об'яснения, тем стыдней становилось им за недавние военные действия.

Понемногу выяснялась тяжелая история лежавшего возле чума человека.

Он был полутунгус, полуякут и с молодых лет страдал падучей болезнью. Во время припадков становился как зверь — бросался на людей с ружьем и ножом, пока болезнь не валила его длительным обмороком.

Действительно, несколько лет тому назад, в болезненном исступлении, он убил свою жену, а сегодня пытался стрелять в подходивших путешественников.

Тунгусы все это знали, но очень боялись его, считая, что в этого человека вселился какой-то злобный дух.

Поэтому жил Харалькон, так звали человека, отдельно от других людей, вместе с сестрой своей, старой Ольгори, на берегу дикой речки, с ледяными воротами, Берея-Кан.

Сородичи время от времени привозили им продовольствие, чтобы отшельники не умерли от голода.

Вот что услышали наши путники и сразу же принялись помогать больному. Больше всех в этом понимал Иван Николаевич. Он умел и прощупать пульс и во-время брызнуть в лицо холодной водой, Харалькон очнулся.

— Он ничего не помнит, что делал, — предупредила старая тунгуска.

Через полчаса перед чумом горел костер, кипятился чай, мужская компания дружелюбно беседовала, а старая Ольгори угощала. Как будто бы люди и не стреляли друг в друга.

7

ШАМАН

Оказалось, что обитатели чума ждут в этот день к себе шамана. Он, вместе с родственниками их, собирался приехать, чтобы умилостивить жертвами духов, терзавших Харалькона.

— Посмотрим, Иван Николаевич, — спросил Николай, — и отдохнем тем временем?

— Это очень интересно, — согласился Иван Николаевич. — Тем более, что вера в шаманов быстро исчезает. Туземцы начинают понимать, что шаманы дурачат людей и пользуются их темнотой!

— Вроде наших попов! — добавил Петя.

— Вот, вот! Но так как шаманство быстро выводится, то обряды его следует замечать и записывать, чтобы сохранить для науки материал, по которому она будет изучать историю культуры туземных народностей...

И все трое решили остаться здесь до следующего дня.

Хозяева, которым, кстати сказать, Иван Николаевич подарил табак и хорошую зажигалку за попорченный чум, угощали, очень гостеприимно и, казалось, были довольны, когда Николай намекнул, что им хочется посмотреть на шаманство.

К вечеру недалеко зазвенели бубенцы, и на поляну вышел красивый олень, с ветвистыми рогами.

На олени сидел верхом молодой тунгус. За ним, один за одним, вышел целый караван оленей. И на каждом звере сидел, покачиваясь, всадник.

Ребята обратили внимание на одного, широкоплечего старика, у которого за седлом висел звякавший погремушками бубен.

— Вот шаман! — толкнул Николай Петюху.

Всего приехало десять человек — и молодых и старых. Расседывали оленей, снимали с них переметные сумы, набитые продовольствием.

Ребята очень обрадовались, когда среди гостей оказалось двое знакомых. Из числа тех тунгусов, у которых они однажды провели целую ночь, слушая песни и сказки.

И тунгусы узнали путешественников: — Здорово бае (товарищ), здорово! — весело приветствовали они.

Некоторые из приехавших, а в их числе и шаман, хорошо говорили по-русски. Слушали рассказ Иван Николаевича о их приключениях, переспрашивали и переводили своим сородичам.

— Смелые лючи (русские)! — говорили тунгусы, — они, не испугались ледяных ворот Берея-Кана и решили бороться со страшным Бумумуком! Так звали духа, завладевшего Харальконом...

А шаман неодобрительно качал головой, и Петя сразу же решил, что он окажется недругом.

В свою очередь тунгусы рассказывали о своих делах.

Говорили о хорошем русском докторе, который послан лечить оленей от ужасной «царапки».

Царапкой тунгусы зовут оленью чесотку, опустошающую целые стада и разоряющую население. При этой болезни тело несчастного животного сплошь покрывается язвами, раз'едаемыми мошкой и комарами. Десятки тысяч оленей издавна погибали от чесотки, туземцы лишались животных, на которых строится все их хозяйство. Олень перевозит тунгуса, одевает своей шкурой, питает молоком и мясом...

— Русские доктора теперь убивают царапку, — фантазировал один тунгус, — высмотрит ее доктор, погонится и убьет! — И прибавлял: — Не то, что прежде, когда одну водку купцы нам возили.

Эти слова, очевидно, не нравились шаману, и он мрачно молчал.

После долго длившегося чаепития и разговора начались непонятные для ребят приготовления.

Рубили и затесывали длинные жердины. Обстругивали колья, и шаман ножом делал на них какие-то зарубки.

Потом достали новой белой материи, разорвали ее на куски, вроде больших платков, и на тоненьких перекладинах укрепили на концах жердин.

— Это готовят жертву духам, — шепнул Иван Николаевич.

— Вот материю-то зря переводят! — пожалел практичный Петя.

Под конец возле самого чума срубили листовницу, очистили от ветвей и укрепили на колышках так, чтобы бревно, вроде мостила, лежало невысоко над землею.

А толстый конец его шаман топором обтесал на подобие рыбьей головы. Вершинка дерева осталась с ветвями — это был хвост таинственной рыбы!

На тихий вопрос Николая знакомый тунгус пояснял:

— Всякий шаман имеет помощниками своих тех духов, которых он получил в наследство от своих шаманов-предков. Одному помогают духи птиц, а нашему шаману — рыбы духи. Главный из них — дух тайменя, «дели». Он, по поручению шамана, плавает к могущественным духам и просит их за людей.

— Вот это, — тунгус указал на бревно, — и есть сам «дели».

— Ну и темнота! — прошептал Петя, — книжек бы им сюда хороших!

— Ты их раньше читать научи, — поправил Николай.

С большим интересом присматривались путешественники к начинавшемуся шаманству.

Наступила ночь. Облака покрыли небо и в прогалах их искорками золотились звезды. Хвои деревьев слились в сплошной и черный мрак, из которого лишь побрякивали бубенцы щиплющих мох оленей.

В чуме прибавили огня. И хозяева и гости сидели кругом около жаркого костра. Дым багровым столбом уносился вверх, в отверстие чума.

И вдруг шаман громко зевнул и сделал вид как будто бы что-то глотает. Так повторилось до трех раз, и это означало, что шаман принял в себя души трех своих помощников-животных.

После этого он затянул заунывную песню. Как только кончал один куплет, как тотчас же все сидящие повторяли его.

Этой песней шаман рассказывал своему духу-помощнику таймену, что несчастного тунгуса Харалькона уж давно мучает злой дух Бумумук. Что живет этот Бумумук в глубокой и страшной корчаге, куда может проплыть только таймень.

Пел шаман о том, что надо сплавать к Бумумуку и спросить, что ему нужно, чтобы он оставил в покое Харалькона.

Потом шаман замолчал и через некоторое время объявил, что таймень поплыл к злому духу.

Песня тянулась за песней, пока шаман не объявил результатов переговоров.

Оказалось, что Бумумук очень сердится за то, что ему давно не приносили жертвы, И таймень никак не мог уговорить разгневанного духа!

В это время женщины принесли бубен и слегка погрели его у костра. А два сидевшие рядом с шаманом старика взяли палки с зарубками и стали тихонько подталкивать ими шамана, как бы побуждая его на дальнейшие переговоры.

Шаман встал, и Петя заметил, что весь костюм его был увешен железками и бубенчиками. Вертясь перед огнем, он звенел и брякал.

Мерно ударяя в гудящий бубен, шаман пел все громче и громче. Из костра уносились вверх огненные гривы искр, кровавым заревом освещали лица и Пете становилось жутко. Кружась в сумасшедшем танце, шаман слил и свой голос и учащенные удары в бубен в воющий грохот и, вдруг замолчав, сбросил с себя священный костюм, отшвырнул в сторону бубен и повалился в олений мех... А затем утомленным и слабым голосом возвестил, что он будет сейчас лечить Харалькона. Вслед за этим началась церемония, которая очень рассмешила ребят.

Все присутствовавшие в чуме вышли наружу, где уж был разведен огонь.

Шаман со своей колотушкой лег под бревно, изображавшее тайменя. А больной Харалькон взобрался на бревно с другой стороны, с хвоста, и пошел к шаману.

Когда Харалькон, пройдя по изображению рыбы, спрыгнул на землю, то шаман ударил вслед его по ногам колотушкой и крикнул:

— О-гок!

Этим он выгонял болезнь!

За Харальконом пошла по бревну и старая Ольгори, а за ней, один за другим, и остальные гости.

Каждому хотелось воспользоваться случаем и полечиться. И каждый получал по ногам удар колотушкой и возглас:

— О-гок!

— Шпарь, Петюха, — пошутил Николай, — твоя очередь!

Петя сердито оттолкнул товарища и буркнул:

— Вот дураки-то!

После лечения принесли в жертву оленя и материю. Первого попросту убили и стали варить его мясо. А куски материи укрепили на длинных жердях и воткнули жерди в землю.

Вареная оленина очень понравилась проголодавшемуся Пете. А насчет материи он шепнул Николаю, что при первом же случае стащит это жертвоприношение и сделает себе из него носовые платки...

— Тащи сейчас! — подбивал Николай.

— Нет, — отказался Петя, — сейчас, пожалуй, отлупят!

Откуда-то появилась грубо сделанная из дерева кукла, и знакомый тунгус об'яснил Николаю, что это и есть бог.

Шаман отрезал от вареной оленины самый жирный и вкусный кусок и привязал его к идолу. А лотом об'явил, что это мясо будет с'едено к утру богом.

— Чтобы деревяшка мясо поела! Это — чепуха! — не выдержав, громко заявил Петя.

Шаман посмотрел на него недобрым взглядом и сказал:

— С'ест. Мяса не будет!

Двое тунгусов взяли идола, отошли в темноту от чума, привязали его к вершинке молодой березы, а сами вернулись к огню.

А Иван Николаевич тем временем расспрашивал о дороге, узнавал, как скорей и удобней вернуться им на илимку. Тунгусы говорили, что ближе всего пройти берегом речки, но что вчера они видели у нее дым начинавшегося лесного пожара.

Другая дорога шла хребтами и раньше трех дней ею нельзя было выбраться к Тунгуске.

У костра продолжались разговоры, а Петя отошел в сторонку и завалился спать.

Шаман выколотил трубку; зевнул и встал. Как раз в это время Петюха приоткрыл глаза!

Шаман шагнул от костра и направился в лес. Тихонько поднялся и Петя и незаметно отошел к кустам. Всмотрелся в темноту и разобрал, что шаман направлялся к березе с подвешенным идолом.

Петя, шаг за шагом, двигался за ним, опасаясь хрустнуть веткой.

Шаман подошел к деревцу. Подпрыгнув, достал идола и сорвал с него мясо... Петя был тут же, за самой его спиной, и увидел, как, присевши на корточках, принялся уплетать оленину!

— Вот какой бог мясо-то жрет! — заорал, захохотавши, Петя.

Шаман в испуге вскочил, отпихнул Петю так, что тот покатился в куст, а сам исчез.

Когда же Петя добрался до костра, то шаман, как ни в чем ни бывало, сидел у огня и покуривал свою трубку.

— Обманщик он, — горячился парнишка, — сам оленину слопал, а вам очки втирает! Никаких богов нет, ни деревянных, ни других! Поповский обман только есть!

Тунгусы молчали. Суеверные старики смотрели почти враждебно, а молодежь тихонько посмеивалась. Они уже потеряли веру в шаманов.

Чтобы не уронить своего достоинства, шаман показал на петину голову и об'явил:

— Совсем кружалый (сумасшедший) парень!

Потом начал петь и под конец, рассказал, что русские очень разгневали Бумумука и что он собирается послать на них духа огня, чтобы наказать за безбожие.

Только под утро уснули наши путешественники.

8

ПОЖАР В ТАЙГЕ

Обратной дорогой шли легко и весело. Столько, было у них рассказать остававшимся на илимке!

Петя шагал с ружьем, поощряя шныряющего кустами Хорьку тунгусским охотничьем позывом:

— Тпр-ук! Тпр-ук!

Но дичи не было и только кедровки, с обеспокоенным криком, перелетали с дерева на дерево.

Уже далеко осталось становище тунгусов, уже давно брели путешественники чахлой лиственничной тайгой.

Из-под ног вылетела куропатка. Петя повел ей вслед ружьем, промахнулся первым выстрелом и вторым догнал улетающую птицу.

Куропатка была покрыта рыжеватыми перьями.

— Вот, — сказал Петя, — а еще называется белая куропатка!

— К зиме и станет белой, — ответил Иван Николаевич, — так же, как заяц, как горноста́й, как многие другие звери и птицы. Такая перемена называется сезонной окраской: животное изменяет свой цвет, приспособляясь к изменяющейся окраске местности. Такая защита помогает животному укрываться от врагов.

— Верно, — согласился, подумав Петя, — попробуй-ка рассмотреть рябка, когда он к дереву прижмется!

В это время дохнул порыв ветерка и остро запахла гарью.

— Должно быть пожар недалеко, о котором тунгусы говорили... — сказал Николай.

И вправду, тропа спускалась в обширную котловину, курившуюся по верху леса желтоватым дымом. С пожарищем было так же, как вчера с харальконовым чумом: никак обойти невозможно!

— Не вся же падь здесь горит, — рассудил Николай, — всегда мы сумеем негорелым участком пробраться...

Вероятно, давно стояло сухая погода, и толстый слой прошлогодней травы и хвои хрустел под ногами, издавая смолистый запах.

— Это трунда. — пояснил Николай, — она-то и загорается скорее всего! Бросят костер где-нибудь не потушив, а то и просто спичку — и пойдет пластать!

— А подумайте, ребята, — добавил Иван Николаевич, — какая беда пожар в промысловом районе! Таежные хребты — это главное пристанище белки, которая питается лиственничной шишкой. А пройдет такой пал, и на многие годы местность станет бесплодной пустыней. Охотник останется без промысла, а следовательно и без пищи...

Спустившись в котловину, путешественники попали в волну едучего дыма. Где-то курили и дымились еще невидимые костры пожара, а уж ветер гнал туманный чад, затягивавший небо.

— Смотрите-ка, солнце-то какое стлало! — встревоженно сказал Петя.

И верно, солнце словно потеряло блеск своих лучей и покрасневшим диском висело в мутном небе. Вдруг, шедший впереди Николай остановился и крикнул:

— Огонь!

Впереди, по кустам и деревьям поигрывали пламенные язычки, цепью рассыпались по высохшему мху. Змейками ползли по ветвям, алыми платочками трепетали со стволов деревьев. Синий дым тянулся низом, слепил глаза и не давал дышать...

Было жарко и в тишине тайги слышался шумный, безостановочный, треск огня.

Наши путники круто свернули назад и, спеша, зашагали вдоль линии пала. Дошли до участка, еще не захваченного пожаром, и бросились вперед, торопясь прорваться за огненный фронт.

Опять очутились в нетронутой тайге. Пал остался сзади. Вначале здесь все было свежо и зелено. Но вот реже и обнаженной сделались кусты, между ними пошли седые дорожки пепла — следы обгоревшего мха. Почерневшие деревья еще дымились. На иных сгорела вся листва, и они стояли голые, точно зимою. У других были повреждены, видимо, корни и деревья низко нагнулись к земле. Петя попробовал пепел рукой и обжег себе палец:

— Бежим скорей, а не то сапоги сгорят!

Но спешить приходилось с оглядкой, потому что на каждом шагу можно было нырнуть в глубокую яму от вывернутого корня. В яму, полную дотлевающих углей!

Выгоревшую полосу миновали и опять свободно дышали в уцелевшей тайге.

Но опасность еще далеко не миновала! Немного пройдя, опять увидели перед собой мельканье огней...

— Чорт возьми! — выругался Иван Николаевич, — никакой системы в этом пожаре нет! Бросает ветер огонь, вот и вспыхивает тайга кострами...

Возвращаться назад было поздно. И они бежали, стараясь подальше держаться от пламени, прикрывая лицо руками и сетками.

Неожиданно добрались до большого холма, заросшего крупными елями. Холм бугром возвышался над тайгой.

На нем то, вроде как в крепости, и укрылись путешественники. Но совсем ненадолго. До тех пор, пока Николай, влезший на дерево осмотреться, не спустился с тревожной вестью, что холм, окружается огненным палом...

Вот уж видно, как лоскутками пламени подбирается к ним пожар, как струйками золотистыми сползает по склонам, грызя иссохшую тундру!

Неожиданно Иван Николаевич, устало сидевший на кочке, обратил внимание на журчащее бульканье ручейка.

— Ребята, — крикнул он, — раз ручей, стало быть у него есть и сток. Авось пролезем его руслом? Не унывай!

Пробежали холм по пути ручейка. Он спускался вниз и под горкой слился с другим ручейком, образуя узкую таежную речку.

По руслу ее и бросились наши путники. Мешали бежать скользкие и крупные камни и перевалившиеся с берега на берег стволы деревьев. Были тут и ушибленные колена, и ободранные руки, и расцарапанная щека!

Вода была мелкая, редко доходила до пояса. Кругом дымили и тлели опаленные берега, и в них текла спасительная речка.

Сзади послышался треск и пахло жгучим жаром. Холм, на котором пятнадцать минут назад сидели беглецы, теперь полыхал гигантским, пламенным букетом!

Николай бросился в воду ничком. За ним и другие. Жаркий порыв пронесся, дышать стало легче, а мокрая одежда предохраняла от обжогов.

Вот, поворотом, речка входит в широкий, заболоченный спуск, к совсем уже близким, зеленым берегам Тунгуски.

Здесь все свежо и сыро, сюда не пробраться пожару.

— Ура, — кричит обрадованный Николай, — выскочили!

— Не сладил с нами шаманов бог, — смеется Петя, — пускай теперь огонь раздувает!

— Эге, — спокойно закуривая, — говорит Иван Николаевич, — а вон и наша илимка.

Действительно, около берега виднелась знакомая мачта с красным флажком.

Путники были дома!

9

КУЛЬТБАЗА

Почти на девятьсот километров продвинулась экспедиция и была недалеко от большого притока Тунгуски, реки Кочечумо.

На устье этой реки недавно был построен поселок — тунгусская культурная база и всем хотелось увидеть ее.

— Культурная база, — объяснил Иван Николаевич, — это место, где тунгус получает медицинскую помощь, где лечат его оленей, учат ребятишек, где ведется просветительная работа.

Там имеются больницы, школы, кооператив. Там тунгусское население наглядно знакомится с культурными мероприятиями советской власти, постепенно привыкает к ним и отстает от диких и невежественных обычаев тайги.

Таких культбаз построено на севере несколько. Они ставятся в самых глухих местах тайги и тундры, среди кочевий туземцев.

Профессору тоже хотелось поскорей добраться до этого места. Но уже не из простого любопытства, а по делу.

— Нам очень интересно, — говорил он — испытать найденный уголь. Посмотреть, как он горит и много ли в нем посторонних, засоряющих его примесей. Ведь, чем чище уголь, т.-е. чем меньше дает он золы при сгорании, тем он ценится выше. Так вот, на культбазе есть хорошая кузница, и мы в горне ее и попробуем уголь!

А кроме этого культбаза — последний пункт нашего движения на восток. От нее мы повернем обратно и поплывем вниз, еще раз просматривая пройденные участки.

Двигались не спеша, занятые работой, пока печальный случай не заставил поторопиться.

Произошло это в один ненастный и серый день. Остановились однажды около лесистого берега, а Петя с коллектором, пользуясь стихшим дождем, вышли а тайгу поохотиться за рябчиками.

Войдя под деревья, Петя нагнулся и, рассмотревши мох под ногами, указал:

— Сохатиная тропка!

Действительно, вдоль берега извивалась тропа, протоптанная копытами могучего обитателя тайги — сохатого или лося.

— Должно быть часто зверь тут ходит, — догадывался Петюха, — ишь, какую дорогу пробил!

В это время из кустов выскочил рябчик, и Петя, свернув с тропы, отправился разыскивать птицу. А коллектор пошел по тропке. Тем более, что идти по ней было легко и немокро.

Он слышал, что звери, пробираясь на водопой или на кормовые места, из года в год ходят одной дорогой и протаптывают торные пути в таежных дебрях.

Коллектор задумался, забыл о рябчиках и вдруг увидал серую нитку, перегородившую ему дорогу. Но заметил ее лишь тогда, когда плечами и грудью, коснулся нитки, не смог удержать занесенной для шага ноги и, движением вперед, натянул и оборвал преграду...

Что-то щелкнуло, свистнуло, и горячая боль обожгла плечо!

Коллектор запнулся, но в этот миг боль стала невыносимо острой.

Он громко вскрикнул, упал на мох и застонал. Теплые струйки крови побежали у него под рубашкой, закапали из рукава...

Бродивший рядом Петя услышал крик, несколькими прыжками выскочил на тропу и наклонился над лежавшим товарищем.

Сквозь разорванную куртку, на спине, под левым плечом виднелся кровавый разрез широкой раны...

Было не до расспросов! Петя помог коллектору подняться, зажал платком хлеставшую кровь и повел раненого на илимку, громко крича о помощи.

Быстро сбежались люди и увели перевязывать пострадавшего. А Петя и Иван Николаевич кинулись к месту происшествия и сразу поняли, в чем дело.

По одной стороне тропы, в дереве, глубоко сидела стрела, торчащая оперенным древком. По другую сторону, привязанный к пню, еще покачивался спущенный лук.

— На самострел попал! — с ужасом воскликнул Петя.

Действительно, неизвестный охотник поставил заряженный лук на лосиной тропке.

Коллектор подвергся смертельной опасности, и лишь случайно стрела едва коснулась его спины, острием своим, все же разрезав тело.

— Видишь, насколько опасен этот способ охоты, — волновался Иван Николаевич, — а он до сих пор еще практикуется у промышленников. Настораживают луки, ставят на

тропах заряженные ружья, маскируют ямы. И, вместо зверя, жертвой нередко становится человек.

Рана коллектора оказалась легкой. Тем не менее, острие стрелы, вероятно, заржавленное и грязное, вызвало воспаление. К вечеру у больного поднялся сильный жар, и началась лихорадка. Профессор серьезно встревожился, опасаясь заражения крови, и распорядился с утра спешить к культбазе.

Помог попутный сильный ветер. Живо пробежала илимка на вздутом парусе шестьдесят километров и остановилась против построек культбазы.

Несколько домиков, торчащая мачта радиостанции и обступившие поселок таежные горы, — такова была база, заброшенная в глушь, за тысячу километров от города Туруханска.

Не успел с илимки бухнуться якорь, как уже все небольшое население базы было на берегу и криками и приветствиям и встречало гостей.

Для них новые люди были тем же, что свежие газеты или же свежие вести о культурном мире, от которого они были оторваны так далеко.

Экспедиция встретила самый радушный прием. Раненого коллектора тотчас же отправили в больницу, а с ним пошли и ребята.

Заведующий базой показывал свое хозяйство и путешественники приятно удивлялись, осматривая лабораторию с микроскопами и другими ценными и точными приборами, стоявшими в колпаках из стекла. Тут же были и книги и химические реактивы[5]. Одна комнатка была занята музеем.

В ней занималась тунгусская девушка, учительница, окончившая курсы и вернувшаяся к своему народу.

Проходя по берегу, ребята увидели домик необычной постройки, к которому тунгусы вели оленей.

— Это — газовая камера, — об'яснил один из культбазовцев, — здесь лечат оленей от чесотки.

Домик был разделен на две половины. В одной был устроен прибор, вырабатывавший серный газ и впускавший его во вторую половину. Во втором отделении было устроено восемь стойл, по четыре на каждую сторону домика. Животное ставилось так, что его голова, через особое отверстие, просовывалась наружу, а войлочные занавески на подобие хомута, обтягивались вокруг шеи оленя и мешали вредному серному газу выходить из камеры и попадать в ноздри животного.

При ребятах тунгусы загнали упиравшихся оленей в камеру, и из стенок ее повысунулись рогатые, испуганные морды.

Фельдшер, в белом халате, впустил в камеру газ и об'яснил:

— Чесотка происходит от особых паразитов, называемых клещами. Клещи не выносят действия серы. Поэтому заболевших оленей окуривают парами серы...

Операция длилась недолго, и освобожденные олени, фыркая и чихая, весело выбегали из камеры.

Медицинский и ветеринарный персонал культбазы был в постоянных раз'ездах.

— Особенно часто и далеко приходится ездить, — говорил доктор, — во время массовых заболеваний, эпидемий. Самые неопасные для русских болезни, вроде кори или гриппа, уносят в могилу десятки непривычных к ним туземцев. И тунгусы так боятся заразы, что бросают свой стан и уходят на новые места, оставляя без помощи заболевших. Часто больные попросту замерзают, будучи не в силах принести себе нужное топливо.

Эта паника перед эпидемией об'ясняется полным бессилием туземцев в борьбе с ней. И худшее у тунгусов слово — это «хворость», т.-е. болезнь, зараза.

Посетили наши ребята и тунгусскую школу. Постоянных занятий, по случаю лета, в ней не было, но ребяташки не расходились по чумам, а жили в большой палатке, вместе с русским учителем, образовав промысловую артель.

Артель ловила рыбу, сдавая ее в местный кооператив, и перекочевывала с места на место.

Тунгусята учились говорить по-русски и чувствовали себя на приволье прекрасно.

Николай, как умел, провел с ними беседу о своей экспедиции, рассказал о рудах и каменном угле.

И тунгусские ребята сейчас же стали показывать ему разные, найденные ими камешки, и Коля объяснял их с таким же ученым видом, с каким профессор рассказывал об ископаемых своим сотрудникам.

А после принялись тунгусята за любимую свою забаву — борьбу.

Петюха, парень крепкий, утиравший нос не одному сопернику, сразу же полетел вверх ногами, едва лишь схватился с тунгусским борцом.

И неудивительно, Петя рассчитывал на свою силу, а тунгусята — на врожденную изворотливость и ловкость!

И едва лишь Петюха, облапивши противника, собирался его подломить, как тунгусенок, вывертываясь, ловкой подножкой опрокидывал его наземь.

Все хохотали и всем было очень весело.

Перед отъездом Николаю поручили достать в кооперативе лодочных гвоздей.

Гвозди были дефицитным товаром, нужным для базы, и, обычно, не продавались. Поэтому просьбу экспедиции рассматривало правление кооператива.

Оно все состояло из тунгусов, только секретарь был русский. Николай рассказал, в чем дело, объяснил, что лодки их дали течь и что их необходимо чинить.

Тунгусы долго разговаривали между собой, потом один встал и сказал:

— Русский ученый железо ищет. Всякий нужный камень ищет. Это дело полезное и гвозди надо дать.

И все сказали:

— Гвозди надо дать!

Так по согласию правления тунгусского кооператива экспедиция получила нужные материалы.

На следующий день здоровье коллектора сразу улучшилось. Помогла хорошая промывка раны и тщательная перевязка. Профессор закончил свои опыты с каменным углем. Уголь горел прекрасно и давал совсем небольшое количество несгоравшей золы.

— Из него получится хорошее энергетическое топливо, — радовался профессор, — как раз такое, какое нужно сейчас для морских пароходов!

Больше оставаться на культбазе было незачем. Участники экспедиции дружески простились с ее обитателями. И отплыли в обратный путь, увозя с собой огромную пачку писем, которые посылали культбазовцы своим знакомым и родным.

Плыли вниз не спеша, подолгу останавливаясь на интересных местах, и тщательно изучали горные породы.

10

В ЗАПАДНЕ

Много уж времени шла работа экспедиции. Шла весело и интересно. И, увлекшись ею, исследователи попали в большую беду.

Наступала осень, и профессор уже поговаривал о возвращении. Однажды, проходя около устья впадавшей в Тунгуску таежной речки, заметили любопытные утесы. Илимку остановили около самого устья и все поспешили на берег.

Николай отбил молотком кусок породы. Осколок оказался очень тяжелым и сплошь блестел золотистыми крапинками.

Профессор взглянул и радостно объявил:

— Медная руда!

Все оживились, люди расползлись по скалам, бойко щелкая молотками о камни.

Скалы тянулись по правому берегу маленькой речки и, чем глубже исследователи приникали от берега Тунгуски, тем богаче становилась руда.

В одном месте черная стена траппов была пересечена двумя золотистыми рудными поясами.

— Это жилы, — сказал профессор.

Ребята узнали, что минерал, содержащий медь, называется халькопиритом. Он был очень похож по виду на золото и состоял из меди, железа и серы.

В других местах утесы были покрыты красивым зеленым налетом и из этого вещества также составлялись жилки.

— Видите, — говорил профессор, — когда сернистая медная руда начинает соприкасаться с воздухом, то она разлагается. А медь ее вступает в химическое соединение с кислородом и образует вот эту зеленую руду, которую зовут малахитом. Восстанавливая ее, то-есть отнимая от нее полученный кислород, добывают чистую металлическую медь. А кислород отнимают нагреванием, обжигая руду на заводах в особых печах.

Залежь руды по речке оказалась настолько богатой, что здесь решено было поработать подольше.

А чтобы ближе и удобнее было таскать тяжелые инструменты, профессор распорядился завести илимку в речку, под самые скалы.

Работа кипела. В ней принимали участие все, так как всем было очень интересно посмотреть открывающееся богатство.

До самой ночи, не покладая рук, трудились участники экспедиции и разошлись на отдых только тогда, когда стало совсем темно.

Весело пили чай при зажженных свечках.

— А откуда же медь здесь взялась? — полюбопытствовал Коля.

Ответил Иван Николаевич:

— Она, как и другие металлы, выносится из глубин земного шара, при движении вверх расплавленной каменной массы. С помощью вычислений удалось узнать удельный вес нашей земли. Он оказался немногим выше пяти. Это значит, что земной шар весит столько же, сколько весят пять таких же шаров, сделанных из химически чистой воды, при 4 градусах Цельсия. Но, как мы знаем, земной шар состоит из нескольких оболочек. Первая, оболочка океанов и морей, имеет удельный вес воды, то-есть, единицу. Застывшие горные породы, составляющие кору или вторую оболочку, весят 2,5. Следовательно, для того, чтобы, в среднем, удельный вес всей земли был бы равен пяти, надо предположить, что центральные ее части состоят из очень тяжелого вещества, весящего не менее 7,5 или 8. А этот вес как раз и совпадает с весом железа. Отсюда предполагают, что центр земли сложен из скоплений железа и других металлов.

Все они находятся в чрезвычайно раскаленном состоянии, но колоссальное давление, господствующее на глубинах, мешает металлам расплавиться. И, поэтому, центр нашей планеты, вероятно, твердый.

Но, при малейшем уменьшении давления, происходящем вблизи трещин, раскаляющих кору земли, перегретое твердое вещество моментально расплавляется и устремляется вверх. Его выжимают образующиеся пары и газы. Так и поднимаются к

земной поверхности жидкие каменные массы — лавы, а вместе с ними двигаются и металлы, в виде паров или горячих растворов.

Так и в этом месте, при извержении пород, впоследствии застывших в траппы, вышла медь, в виде паров, и осела, охлаждаясь, по стенкам трещин. Когда трещины, таким образом, заполнялись, то из них получались жилы медной руды...

Николай аккуратно записал в книжку все сказанное профессором, а потом все спокойно улеглись спать.

Рано утром рулевой поднял тревогу.

— Илимка обсохла! — кричал он, беспомощно разводя руками. Действительно, попытки оттолкнуть илимку от берега были тщетны. Она плотно сидела на мели, и руль при поворотах скрипел о гальку.

Вскочивши в лодку, Николай, вместе с рулевым, поплыли к месту аварии. Тотчас же за кормой лодка натолкнулась на песчаный бугор.

— Вот беда! — сокрушался рулевой, — речка быстрая, много тащит песку и ила. А илимка стала на самой стреже и запрудила течение... В струе ослабела сила и песок начал падать на дно. За ночь за кормой вырос опечек. Песчаная мель!

— Гляди-ка, — сказал Николай, — вообще-то в речке сильно вода сбывает!

Правда, вдоль береговой гальки, у самой воды, виднелась мокрая полоса. Это обсыхали выступившие из воды камни.

И чем дальше плыли наши разведчики, тем все более затруднительным оказывалось их положение!

За одну только ночь горная речка, вероятно вздувшаяся перед этим от случайного дождя, совершенно обмелела. Между илимкой и выходом в глубокую Тунгуску на полкилометра тянулась непроходимая мель...

— Попали в мышеловку! — пробормотал Николай.

Рулевой только махнул рукой и прибавил:

— А завтра и на лодке здесь не проехать!

Профессор был в полном отчаянии.

— И подумать только: из-за нелепой моей неосторожности сейчас прерывается вся наша работа!

Так повторял он, залезая по колено в воду и руками ощупывая державшую судно мель.

Созвали общий совет.

Предлагались разные средства: прокопать канаву в русле, подвести под илимку катки, освободить ее от груза.

Но при обдумывании все проекты неизбежно отвергались! Канаву, моментально засасывало бы песком и илом, а тащить полкилометра тяжесть более чем в двадцать тонн было признано непосильным. Разгрузка судна ни к чему бы не привела, потому что даже пустое оно достаточно плотно сидело а засосавшем его песке.

Наконец, на постороннюю помощь рассчитывать было нечего. Экспедиция находилась в 700 километрах от Туруханска. На этих пространствах только изредка попадались кочующие туземцы да стояли две кооперативные фактории.

Был уж конец августа и ночи стали холодными. А в середине октября по Тунгуске наступает настоящая зима.

— Самим нам выплыть нетрудно, — сказал профессор, — для этого у нас имеются две лодки. Если бы можно было устроить плот, то мы бы не горевали! К сожалению, здешняя чахлая тайга сплошь состоит из лиственницы. А известно, что даже сухая лиственница настолько тяжела, что почти тонет в воде. Поэтому сделать надежный плот, который поднял бы наше имущество, наши очень ценные коллекции, мы не можем!

Все чувствовали, что профессор говорит правду. Всем очень хотелось возражать и спорить, но возражать, к сожалению, было нечего. И поэтому молчали.

Тогда профессор предложил:

— Мы должны как можно скорее выбраться в Туруханск. Там, связавшись с Карской экспедицией, я может быть сумею получить из порта Игарки моторный катер, с новой илимкой. Катер быстро сможет подняться до этой речки, и мы перегрузимся на другое судно.

Тут уж начали возражать. Как же можно было бросить в тайге работу целого лета, все нужные для промышленности и науки коллекции!

Но потом, чем более обдумывали предложение, тем более правильным оно казалось. Это был очень рискованный, но в то же время и единственный шаг к спасению экспедиции! И, как это ни было тяжело и грустно, после обеда начали сборы.

Не выдержал Николай и сказал:

— Я хочу остаться с илимкой. И Петька тоже хочет!

После этого подошли Иван Николаевич и лямщик Володя и заявили, что они также желают остаться на илимке.

Профессор просиял:

— Дорогие товарищи, — сказал он, — откровенно говоря, я так и думал, что среди нас найдутся охотники взять на себя охрану судна. Но сам я не хотел пока этого предлагать, потому что совершенно не уверен, что мне удастся получить катер и выручить вас. А тогда перед вами встанет необходимость северной зимовки! И сейчас я предупреждаю об этом!

— Провианта нам хватит, — ответил Николай, — а когда станет неважно, мы уйдем отсюда за 300 километров, на ближайшую факторию. А там, может быть, и перезимуем.

— Я думаю, что парень прав, — поддержал Иван Николаевич, — все мы, четверо, к тайге привычны и, хотя путь отступления на 300 километров будет очень нелегким, мы его все-таки одолеем!

— А зато, — прибавил Володя, — груз будет всегда на глазах. Мало ли что может случиться? И пожар лесной и наводнение, всякие случаи могут тут быть...

— Пусть будет так, — сказал профессор, — и поочередно пожал каждому руку.

11

ПОКИНУТЫЕ

Невесело глядел Иван Николаевич на уплывающие за дальний мыс переполненные людьми лодки.

А Петя, наоборот, подтолкнул под бок Николая и шепнул:

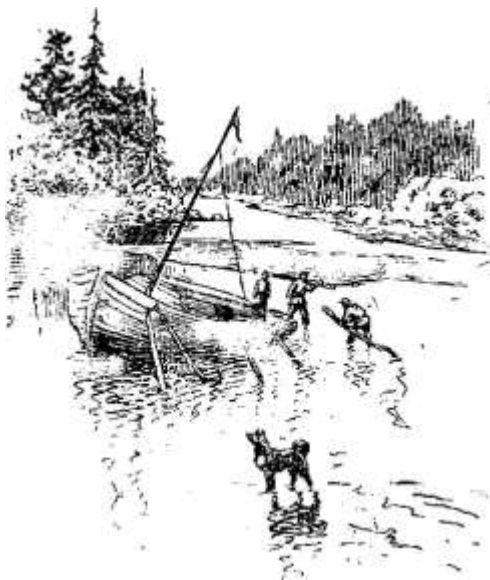
— Теперь самое интересное и начинается!

При илимке остались две берестяные ветки[6], и оставшиеся далеко проводили на них уплывавших товарищей.

К вечеру все сошлись на покинутую илимку. Вместо привычной оживленной толкотни, там было уныло и пусто. Для четверых судно казалось слишком большим и просторным.

Согрели, по обычаю, чай и молча принялись его пить, поставив для бодрости четыре свечки. При ярком свете было все-таки веселее!

Вдруг илимка шатнулась и закрипела. Ее качнуло, и со стола полетели и чайник и чашки.

Петя опрометью выскочил на корму.

— Падает! Илимка падает! — загорланил он что было мочи.

Оказалось, что вода в реченке настолько сбывла, что судно, очутившись на суше, накренилось и стало валиться на бок.

По команде Ивана Николаевича, несмотря на ночь, все бросились в тайгу вырубать подпорки. Уперли их в борта и в камни и укрепили илимку.

Она осталась наклоненной, ходить приходилось по косому полу, а приподнятые нары между собой и

стенкой образовали закоулки, вроде ящиков. Туда желающие и могли наваливаться спать!

Практичный Петя сразу же решил заняться рыбалкой, чтобы увеличить продовольственные запасы.

На другой же день он и Володя загородили устье реки самоловами и поставили в заливчике сеть.

Первые дни проходили неплохо. Иван Николаевич обрабатывал свои дневники и продолжал исследовать руду. Николай бродил с винтовкой по хребтам и частенько добывал глухарей.

А Петя с Володей, наловив достаточно рыбы, пожелали коптить ее впрок.

Для этого они прокопали в обрыве берега печурку, обложили ее плитками камня, а сверху построили шалаш из коры и хвои. Когда в печурке раскладывали огонь, то дым валил через шалаш, густо наполняя его.

Убедившись, что печь для копчения действует хорошо, наши рыбаки развесили в шалаше слегка подсоленную рыбу, а в огонь подкладывали сырых тальниковых дров пополам с лиственничными. Получался хороший для копчения дым.

Продержав поочередно у печи целую ночь, рыбаки угостили на утро друзей такой прекрасной рыбой, что Иван Николаевич заявил; что в жизни своей он не едал ничего «более вкусного»!

Но дни шли за днями и понемногу становилось скучно. Все привыкли к движению, к постоянной смене впечатлений, а тут, сиди на одном месте, где каждый кустик надоел до тошноты!

Речонка совсем почти пересохла и лишь серединой сочилась журчащим ручейком.

Ночи стали холодными, береза желтела, листья рябины делались красными. Утрами долго держались на реке туманы. Даже в самой Тунгуске вода убывала с каждым сутками.

Появились первые стайки перелетных птичек. В стада сбивались гуси и гогочущими табунами переносились с косы на косу.

Наступала осень.

Подошел уже срок, когда должен был возвратиться профессор, но попрежнему никого не было.

— Вряд ли приедут, — печально решил Иван Николаевич, — по Тунгуске вода настолько мелка, что катер не сможет теперь пройти порогов!

— А может быть и катера не достали! — решил Володя. Понемногу путешественники уже освоились с мыслью о предстоящем отступлении на фабрику и, следовательно, о зимовке. Решили 300 километров проплыть на ветках, но двигаться в путь лишь тогда, когда жить на илимке станет уже совсем трудно.

Однажды ночью Петя, вышедший на палубу, закричал, чтобы все скорей выходили наружу.

Выбежавший Иван Николаевич так и замер от восхищенного удивления: полнеба горело ярким северным сиянием!

Широкою, голубою лентой оно раскидывалось по темному своду, играло и переливалось цветами.

Постепенно свет из голубого превратился в зеленый, потом побелел и медленно потух... Дивное зрелище окончилось.

— Какие мы счастливые! — заявил Петя, — увидели северное сияние! Другие о нем только в книжках читают...

— А почему оно происходит? — обратился Николай.

— Ученые предполагают, — ответил Иван Николаевич, — что на большой высоте, километрах в 400—500 от земли, наша планета окружена газом — азотом. Благодаря

очень сильному холоду, там азот, может быть, находится в смерзшемся состоянии и от трения его частичек возникают электрические явления, вызывающие свет.

А Володя, сам туруханский житель, добавил:
— К морозу такое свечение!

12 ОХОТА

Однажды, выйдя из илимки, Николай увидел, что все погружено в густой, как молоко, туман. Постояв немного в сырых и холодных его облаках, Коля услышал, что недалеко брякнул камень.

Звук повторился и стало ясно, что кто-то бродит вокруг илимки по хрустящей гальке, А как раз вчера вечером Петя повесил у кормы провалившуюся большую связку рыбы.

Осторожно, никого не будя, Николай вернулся на судно, снял с гвоздя карабин и зарядил его разрывной пулей. Потом вышел на палубу, притворив за собою плотнее дверь, чтобы не выскочил Хорька, пушистым клубом свернувшийся под койкой.

Неизвестный посетитель, судя по хрусту шагов, обошел илимку с носа и до кормы и остановился, скрытый туманом.

Николай ждал. Вероятно, ждал и тот, неизвестный. Но вот, в тишине послышалось урчащее сопение, будто кто-то с силой втягивал в себя воздух...

— Медведь! — понял Николай и замер на месте, приготовив ружье.

Опять захрустела галька. Уже совсем близко, у самой кормы, И царапающий звук когтей затрещал по борту...

В этот миг изнутри отчаянно залаял учуявший опасного гостя Хорька.

Из тумана над бортом приподнялся зверь и Николай спустил курок...

Тарахнул звонкий выстрел, и хрипло взревел пораненный медведь!

Николай бросился к самой корме. На нее, рывкая и щелкая зубами, забиралось косматое чудовище...

Отступив на шаг, Николай, один за другим выпустил почти в упор еще два патрона...

Рывканье смолкло и слышно было, как, сорвавшись с борта, грузно шлепнулась оземь тяжелая туша...

Все спящие выскочили. Хорька мячиком перелетел через борт и залился злобным лаем.

— Медведя убил! — кричал Никола в восторге от своей удачи.

Зверь оказался крупным и очень жирным. За лето он хорошо от'елся на ягодах и кедровой шишке и теперь был готов к долгой зимовке.

Но вкусным его мясом и салом воспользовались наши путешественники.

Жареное из маленьких кусочков медвежатины, плавающее в растопленном сале, было так вкусно, что Иван Николаевич сейчас же заметил, что ничего лучшего в жизни он не едал!

Тут обиделся Петюха:

— Да вы то же самое про мою копченую рыбу говорили!

Тогда Иван Николаевич, почесав затылок, признался:

— Медведь, все-таки, перещеголял!

— А вот, я нарочно тайменя большого поймаю, — пригрозил Петюха, — что тогда вы скажете?

— А я осеннего гуся убью, — поддразнивал Николай, — здоровенного, жирного...

— Ну и дрянь это медвежье мясо! — рассердился Петя и, пододвинув чашку, зачерпнул себе новую порцию медвежатины!

Окончился август, а вместе с ним окончились и надежды на катер.

Тунгуска так обмелела, что на поверхность ее выступили невиданные до этого времени песчаные косы и прятавшиеся в глубинах камни. Перекаты и шиверы зашумели, сделались мелкими и непроходимыми. А пороги, лежавшие ниже, стали грозным препятствием для любого мало-мальски значительного судна.

Холоднее и гуще становились утренние туманы, и рано кончался короткий осенний день.

Уже третьи сутки, как стояло таежное ненастье. Третий день, как висели над лесом сплошные серые тучи, и мелкий дождь беспрестанно и мелко сыпал а стенки илимки.

Николай с утра бродил по реке, караулил пролетающих гусей и весь вымок; каждая травинка и каждый листик были напитаны дождевыми каплями.

Из охоты ничего не выходило. Гуси были очень осторожны и садились всегда на открытых и труднодоступных местах.

И тогда, пока остальные птицы пощипывали мягкий хвощ, специальный сторож их, старый гусак, расхаживал поодаль, подняв высокую шею и зорко посматривая по сторонам.

И лишь только замечал приближающуюся фигуру Николая, как сейчас же кричал тревожным криком, и вся стая, с гоготаньем, взмывала вверх.

Несколько раз Николай пробовал стрелять влет, но из карабина попасть было очень трудно. Пули напрасно и далеко хлестали в реку.

Под конец у него остались только обоймы с разрывными пулями, приготовленными для крупного зверя, и Николай решил прекратить безнадежную охоту.

Он шагал вдоль берега, ежась от холода, и думал о том, что настала пора переезжать на фабрику. Только много еще хлопот предстояло с устройством груза!

Его надо было перетащить на берег в надежное место и спрятать так, чтобы он был в сохранности от весенней воды и от зимнего снега.

С такими мыслями подходил он к косе, высоким галечным валом врезавшейся в реку. Запнулся случайно о камень и выронил из кармана ножик.

А пока нагнувшись поднимал его с земли, услышал близкое гусяное гоготание и увидел над самой своей головой пролетающую стайку, Коля прижался к камню и так, вероятно, цветом серой своей одежды слился с цветом гальки, что гуси, не подозревая близости человека, сделали низкий круг и шумно опустились в реку, тут же, за валом косы.

Забилось сердце у Николая, загорелись глаза! Позабыл даже, что карабин был заряжен медвежьими пулями!

Так как он еще раньше вымок весь, от плечей и до пяток, то, не раздумывая, лег на живот и прямо по лужам пополз на галечный вал, за которым сидели птицы.

Полз долго, осторожно, следя, чтобы неловким движением не зацепить какой-нибудь камень. От волнения ему даже стало жарко! По дороге сбросил шапку, чтобы случайно не испугать стаю. Вылез на самый гребень, выставил вперед ружейное дуло и осмотрелся.

Гусей не было видно. Они плескались в воде, под самой косой, переговариваясь спокойным гоготанием. Всего в каких-нибудь двадцати-тридцати шагах!

Пришлось лежать и ждать, потому что подкрадываться ближе было невозможно. Курок карабина был взведен и поставлен на шнеллер — особое приспособление, при котором, от малейшего нажима пальцем на спуск, уже следовал выстрел. Этот шнеллер, как убедился Николай, очень помогал при точной и трудной стрельбе.

Минуты шли за минутами, охотничий пыл начинал остывать под холодным дождем и ветром. Но вдруг у гусей произошла драка!

Птицы гневно загоготали, послышалось хлопанье крыльев, шипение, и один гусь вероятно прогнанный от стаи, захлопал по воде. На поверхности, от берега, разбежались

круги, а затем, прямо перед Николаем, выплыл крупный гусак, сердито оправляя вз'ерошенные перья.

Мушка ружья легла на серую птицу, и палец тронул спуск.

Оглушил и раскатился в хребтах трескучий выстрел, и пенный столб воды подбросил простреленного гуся.

Вихрем слетел Николай с камней, забрел по пояс в реку и вытащил тяжелую добычу.

Пуля, при слабом препятствии разбивавшаяся в осколки, разорвала почти пополам большую птицу. Но Николай был очень рад. Во-первых, удалось добыть осторожную дичь, а во-вторых, и из разорванного гуся выйдет прекрасный ужин.

Уже затемно добрался он до илимки и был приятно поражен, увидевши выставленную из крыши печную трубу.

Из трубы вылетали клубы дыма и в них сверкали искры.

— Ага, ты гуся убил, — похвалил Петя, — а мы тут печь железную поставили!

Николай признал себя побежденным. Уж очень приятно было в илимке — сухо и даже жарко.

Перед сном долго советовались о своем от'езде, о предстоявшей зимовке, о спасении груза.

— Давайте лабаз поставим, — предложил Николай, — там самые ценные вещи лучше сохранятся...

Лабазом назывался высокий помост на четырех столбах, прикрытый корой или тесом. В таких постройках тунгусы всегда сохраняют свои припасы и имущество.

Порешили завтра же приняться за рубку лабаза.

К ночи поднялся холодный и резкий ветер.

— Барометр сильно падает, — об'явил Иван Николаевич.

— Должно быть низовка будет, — сказал Володя, — северный ветер.

Вскоре же ветер усилился, переходя в настоящую бурю. Дождь хлестал по илимке, бежал по стенкам ее струями. Тайга шумела, вдали плескалась разволнованная река.

Николай попробовал выйти наружу. Ветер сорвал с него шапку, ударил в лицо фонтаном брызг, загнал обратно, в теплую илимку.

— Ну и ночь, — говорил он отряхиваясь, — хорошо, что печку поставили!

— Шторм теперь на Енисее, — решил Володя, — северный ветер дует с моря, против течения, и сразу взбивает большую волну. А там на Енисее простор большой, плеса прямые километров на 70, да ширина километров на пять! Ну и гуляет волнища!

Петя, уже засыпая, очень боялся, чтобы порывы бури не повалили совсем илимки на бок! Она скрипела и раскачивалась, ветер вдувал через печную трубу обратно дым — в илимке все кашляли от него и чихали...

На утро буря бесилась с прежней силой. Облака, тяжелыми свитками, низко катились над лесом. От ветра деревья раскачивались, гудя вершинами.

Стало так холодно, что пришлось надеть полушубки. По Тунгуске металась серая гряды волн, взрывались пенными гребнями. Всегда спокойную реку нельзя было узнать.

Путешественники с утра рубили лабаз. Работать было не холодно, но очень мешала сырость. Дождь сыпал и сыпал, затекал за ворот и в рукава, и очень скоро все промокли до нитки.

Попробовали вкопать первый столб для лабаза и не смогли. Наткнулись на вечно мерзлую почву, которую не брала лопата.

— А почему на севере часто встречается мерзлота? — спросил, утирая облитое дождем лицо, Николай.

— Во-первых потому, что здесь суровый климат, — ответил Иван Николаевич, пожимая промокшими плечами, — а к тому же, образуется она там, где воды, проникая до глинистого, водоупорного горизонта, застаиваются и заболачивают местность. Особенное значение имеет покров мха. Мох впитывает много воды. Летом лучи солнца расходуют свою теплоту, главным образом, на испарение содержащейся в мхе воды и очень мало

тепла проникает в промерзшую за зиму почву. Так и сохраняется под мхом мерзлая земля. Как же, однако, нам быть со столбом?

Выручил Николай. По его совету выбрали четыре близко стоявших одна к другой листовницы, спилили их метрах в трех от земли и получили нужные четыре столба. На этом и закончили к вечеру работу.

Путешественники с удовольствием возвращались на уютную илимку и с тревогой думали, что работы хватит почти еще на неделю.

С тревогою потому, что с'естных припасов становилось все меньше и меньше, и потому, что нужно было выезжать до наступления настоящих морозов.

А под теплой крышей так хорошо было сидеть, что Петя сказал:

— На чорта нам ехать на эту факторию! Там нас не ждут, там теснота и клопы... Давайте останемся на илимке! Печка есть, а снегом засыплет, так и вовсе тепло будет! Зверя бы начали добывать, белку, песка...

Иван Николаевич прервал его мечтания:

— У нас сухарей всего на две недели осталось. Где тут думать о зимовке! А потом, для этого надо иметь специальное снаряжение. И лучше нас снабженные экспедиции погибали от цынги!

13

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА

Вторую ночь ревела буря, и Петя опять опасался быть раздавленным в случае падения илимки. К утру ветер стал затихать, и, чиркнув спичкой, Иван Николаевич увидал, что барометр медленно поднимается.

Когда достаточно рассвело и все проснулись, то вспомнили, что сегодня петина очередь растапливать печку.

Нехотя соскочил парнишка с теплой постели и вышел на палубу за дровами. И сейчас же позвал:

— Идите-ка все скорей сюда! Да смотрите!

— Чорт возьми, — говорил Иван Николаевич, торопись натянуть сапоги, — неужели же снег выпал?

Но это был не снег. Это было зрелище, ошеломившее всех неожиданной надеждой.

Илимка стояла в воде...

Мелкие еще струи вновь покрыли иссохшее ложе реки.

— Ребятки, ребятки! — слов не находил Иван Николаевич, — а кто скажет что будет к вечеру?! Ставим скорей водомер!

Моментально выстругали длинный шестик, разметили на сантиметры и укрепили в речке. А за чаем решительно подняли вопрос: продолжать ставить лабаз или нет.

— Не стоит, — уже спокойно улыбался Иван Николаевич, — будет большая прибыль воды!

— А вдруг остановится? — побоялся Володя, и все, хором, скомандовали Пете:

— Лети водомер смотреть!

— На два сантиметра прибыла! — заорал Петюха.

Теперь и Володя сказал:

— Бросим работу. Еще сантиметров двадцать и илимка всплывет!

И решили ждать.

Ветер стих совсем, только облака еще быстро плыли в небе. Николай взглянул на соседний хребет и увидел, что вершина его белела свежим, только что выпавшим снегом. И повсюду верхушки гор, которые можно было рассмотреть в бинокль, были в зимнем, снеговом наряде.

— Вот отчего такой холод! — догадался Иван Николаевич, — значит ночью сегодня, пока нас тут шпарил дождь, в горах так упала температура, что водяные пары сгушались в снег.

Во время этого разговора илимка колыхнулась и медленно начала выпрямляться.

— Ура, — торжествующе кричал Петя, — всплываем, всплываем!

Все скорей и шумливее становилось течение реки. Вода прибывала быстро и метр за метром затопляла прибрежную гальку. Одна за одной отпадали, когда-то поставленные к бортам илимки, подпорки.

Когда же рухнул в воду последний шест, судно окончательно выпрямилось и плавно закачалось на якоре.

— Отвязывай причал, поднимайте якорь! Берись за руль! — так командовал Иван Николаевич.

Еще минуты две ожесточенной борьбы с завязшим глубоко якорем, и илимка гордо выплыла из чуть было не погубившей ее коварной речки!

Никто, конечно, и не ставил вопроса, что делать дальше?

А сразу, как только судно вышло в Тунгуску, его сейчас же повернули носом вниз и поплыли к далекому Туруханску.

И только после этого начали разговаривать. Петя был даже растерян.

— Как же это, — дивился он, — то уж совсем собрались на фактории зимовать, а сейчас, вот, плывем и в ус себе не дуем!

— Кто же мог знать, что так повернется дело? — отвечал Николай.

Дорога впереди лежала немалая. Но и скорость воды увеличивалась с каждым часом. Цвет ее становился все мутней и мутней. Появились белые шапки пены. Самые маленькие роднички по берегам бежали ручьями. Ручьи превратились в потоки и с грохотом рушились в реку, взбивая клубы пены.

Уходили поворот за поворотом, и весело было смотреть, как мелькали таежные берега.

— Километров восемь в час идем! — сказал Иван Николаевич, — а вода стала мутней от того, что река начала смывать берега. Частички глины и мелкий песок сейчас огромными массами переносятся течением. Оттого и замутнилась прозрачная Тунгуска.

— А куда же денется этот песок и ил, — полюбопытствовал Петя.

— Часть его осядет что дну Тунгуски, — ответил Иван Николаевич, — а часть будет вынесена в Енисей. И тогда самые мелкие и легкие частички Енисей понесет в Полярное море. Там они и отложатся.

— Сколько же, интересно знать, за год такого песку и ила вытащат в океаны реки всего земного шара?

— Ученые подсчитали это. Из массы сносимого за год материала можно было бы построить куб, каждая сторона которого была бы равна, примерно, десяти километрам! Вот, из этой рыхлой массы, со временем, через тысячи и миллионы лет, получится твердая горная порода.

— Осадочная! — добавил Николай.

Плыть вниз было очень приятно. Особенно после трудного пути лямкой когда шаг за шагом, напрягая все силы, приходилось тащить илимку.

Тогда двадцать пять километров в день считались рекордной скоростью. А сейчас, отдыхая, путешественники делали по 80 километров и проходили бы в сутки много больше, если бы осторожный Иван Николаевич не останавливался на ночевку с наступлением темноты.

Обычно Николай стоял у руля, чередуясь с Володей, Иван Николаевич занимался своими дневниками, а Петюха дежурил по хозяйству.

На третий день плавания уровень реки поднялся метров на семь против того, каким он был до начала прибытия воды.

Теперь илимку тащило со скоростью километров двенадцати. Вместе с ней по мутной, пенной поверхности плыли целые листовники, сорванные с берегов.

После обеда все были на палубе и высматривали факторию, которая, по расчетам, скоро должна была показаться. Но никто из наших путников на ней не собирался уже зимовать!

Наконец, на дальнем мысу показались два домика, стоявшие на расчищенной от тайги площадке.

— Вот она! — крикнул Петя.

Действительно, это была фактория, снабжавшая окрестных тунгусов разным товаром и скупавшая у них пушнину.

— Вот, чудно, — сказал Николай, — как будто бы оттуда нам флагом машут!

Иван Николаевич достал бинокль и приложился к его стеклам.

— Товарищи, — сказал он через минуту, — да их затопляет! Вода почти под самым домом... Вторая постройка — это амбар. На крыше его двое людей и, действительно, машут нам белой тряпкой. Подвертывайте илимку поближе!

Коля нажал на руль, и судно стало сближаться с берегом. Теперь уже и простым глазом можно было видеть грозное бедствие.

Амбар стоял в воде. Волны плескались у крыльца жилого дома. Какой-то сарайчик торчал полуразрушенной крышей, о которую, время от времени, бурно разбивались волны.

Мужчина и женщина кричали и сигнализировали с крыши затопляемого амбарчика.

Когда илимка совсем уже приближалась, могучий напор воды нажал на стену амбара. Он сразу осел, покосился и начал всплывать, вероятно, оторванный от фундамента.

Женщина испуганно закричала, а мужчина, удерживая ее, отчаянно замахал руками.

— Спасите, спасите, — кричал человек с амбара, — все добро погибает!

Илимка свободно подошла к постройке и бросила якорь. За стоявшую недалеко лиственницу путешественники захлестнули причальную веревку.

Стоявшие на амбаре оказались упрямыми — никак не желали спуститься с крыши. Просили только помочь вытащить затопляемые товары.

— Люблю такую работу! — весело крикнул Николай, перемахивая с илимки на крышу.

Амбарушку качало так сильно, что достаточно одного сильного толчка и ее понесет по Тунгуске.

— Трос сюда! — догадался Иван Николаевич.

К счастью, на илимке оказался целый круг троса — тяжелого каната, сплетенного из оцинкованной проволоки. Из него сделали огромную петлю и набросили ее на стены гибнущей постройки.

А свободный конец троса завезли на лодке к стоявшим в воде деревьям и накрепко привязали за несколько лиственниц.

Вторым делом было вытащить лежавшую в амбаре ценную пушнину.

Внутри через дверь попасть было невозможно, а поэтому ломали крышу ломом и топором. Этим занялись Николай и человек, оказавшийся заведующим факторией.

Когда удалось отодрать несколько тесин, то факторщик обвязался веревкой, спустился вниз и оттуда, стоя по пояс в воде, подавал на крышу тючки с пушниной. А жена его, мокрая с головы до ног, перебрасывала их в илимку.

Спасение было на полном ходу, недогадливый Петя, в первую же свободную минуту, развел огонь и повесил кипятиться чайник.

— Прозябнут, однако, — соображал паренек, глядя на вымокших людей.

В последний раз в темноту амбара нырнула голова, и факторщик показался с пустыми руками.

— Все? — спросил Иван Николаевич.

Человек только кивнул головой, соскочил на палубу илимки и помог спуститься с крыши жене.

— А теперь, — наконец-то заговорил он, снимая шапку, — позвольте познакомиться!

И каждому из путешественников обрадованный человек крепко пожал руку, а за ним — и его жена. А после оба, совершенно измученные, уселись около борта.

— Это пусть пропадает, — махнул человек на свое жилище, — не так уж жалко! Главное вот — песцы, соболя и белки! Государственная валюта. И на многие тысячи!

— Тем приятней, — обрадовался Николай, — что мы вовремя подоспели! А сейчас вы чаем погрейтесь!

— Ох, глупая, глупая я! — вдруг засмеялась женщина, — села тут и раскисла! А того не вспомню, что дома у нас печенье свежее есть и рыбка пожарена! Вы-то, люди дорожные, поди, изголодались! Пока домишко не смыло, пойдете-ка в горницу, а я живо самоварчик налажу!

— Правильно, Пелагеюшка, — поддержал хозяин, — за помощь, вам, товарищи, большое спасибо, а от угошенья уж вы не отказывайтесь!

Не обидеть же было этих славных, насквозь промокших людей! А к тому же Петя, любивший покушать сладко, даже зажмурился, представляя себе свежее печенье...

Илимка стояла надежно. Амбар плавал, вроде странного корабля. Оставалось только прыгнуть в лодку и плыть к незатопленному еще дому.

Так все и сделали. Привязали лодку к крыльцу и вошли в комнату.

Уж давно, целое лето, не были наши путники в настоящем доме. Поэтому горницы показались им особенно чистыми и уютными. Было к тому же тепло от недавно истопленной печи.

Обстановка была такая, словно хозяева собрались к переезду на другую квартиру: все вещи были увязаны в тюки.

— Это мы к наводнению приготовились, — пояснила хозяйка, растапливая самовар.

— Не думали мы, что так скоро вода подойдет, — добавлял сам факторщик, — но все же вчера еще все продовольствие на горку стащили, а ночью пушнину укладывать стали. А беда-то не из Тунгуски, а из соседней речки пришла! Часа за два до вас! Прорвало, должно быть, вверху по речке затор, да как хлынула сразу вода — амбар и потопила... Во-время вы подоспели.

Петюха уплетал за обе щеки румяные шанешки, а сам, украдкой, глядел в окно — не подходит ли близко вода.

Так как уже начинало темнеть, то Иван Николаевич порешил заночевать у фактории. Этому очень обрадовались хозяева, которым предстояла невеселая ночь.

Узнав как следует, куда направлялась илимка, хозяин, человек бывалый, спросил:

— А реку вы знаете хорошо?

— Да, вот, поднимались по ней от самого устья...

— Ну, а вниз-то сплывал у вас кто-нибудь по ней?

Пришлось добросовестно сознаться, что вниз по Тунгуске не плавал никто. Хозяин озабоченно задумался.

— Пугать я вас не хочу, — наконец, сказал он, — да и не из робких вы, видно, люди. Но все-таки надо вам плыть осторожно. У вас впереди Большой порог! Когда вверх поднимались, вы берегом его проходили, лямкой. А сейчас серединой придется плыть...

— В такую-то воду, — возразил Николай, — все камни должны быть скрыты?

— Нет, опасные гряды есть, — сказал хозяин, — течение там сейчас сумасшедшее и зорко надо глядеть, чтобы не попасть на камень. А иначе только щепки от вас найдутся!

— И все-таки мы пойдём! — сказал Николай, — не катера же нам дожидаться?

— Катера вы не дождетесь, — согласился хозяин, — а к тому и рекою надо воспользоваться. «Дикая» она осенью. Сразу прибыла — сразу и убудет. А потом станет еще мельче, чем была, и тогда вы порог совсем не пройдете! А, вот, нарисую я вам план порога и покажу, как надо там править...

— Это отлично! — обрадовался Иван Николаевич.

— Будете вы на нем на третий день! — пояснял хозяин, — посматривайте на правый берег. Как большой затон проплывете, через два километра и сам порог. Если нужно будет остановиться — у затона причаливайте. А дальше такое пойдет течение, что к берегу уже не пристанете. Серединой реки держите! Пройдете первую гряду камней справа, — поворачивайте под левый берег. Тут прямиком вас на черный утес потащит, но вы не бойтесь! Течением отбросит. Вот, когда отобьет от утеса, сумеете опять серединой реки держите! Пройдете первую гряду камней. Там — погибель! А управитесь серединой — и прошли порог!

— Просто! — сказал Иван Николаевич.

— Конечно, просто! — обрадовался хозяин, — важно не растеряться. Всего два поворота сделать. А там сто шестьдесят километров еще и вы — в Туруханске! Одно только плохо — для весел сил у вас маловато!

Путешественники знали, что для того, чтобы илимка лучше слушалась руля, ей нужно было дать скорость, хоть немного большую, чем скорость течения. При сплаве в порогах всегда ускоряют ход судна, подгребаясь на веслах.

Но на каждое весло илимки полагается по два человека. Настолько оно тяжело и длинно. А у наших друзей приводилось всего по одному гребцу.

— Ничего, — сказал Володя, — натужимся как-нибудь!

— Еще Хорька нам поможет, — пошутил Петюха.

14

БОЛЬШОЙ ПОРОГ

На утро слова хозяина о «дикой» воде оправдались.

Дойдя почти до двери дома, она начала быстро спадать и ко времени отплытия путешественников амбар, качавшийся вчера на волнах, обсох и кособоко осел на косогоре.

Гостеприимные хозяева провожали пожеланиями благополучного пути и долго, стоя на берегу, махали платком и шапкой.

— А мне хозяйка на дорогу узелочек дала! — поведал сияющий Петя. В узелке оказался целый ворох пышек!

Илимка плыла спокойно и быстро.

В протоках вода сбывала, но на самой Тунгуске держалась еще высоко, и сила течения, почти попрежнему была большая. Погода установилась солнечная и безветренная и плыть было легко.

А мысль, что с каждым часом, с каждым пройденным километром, все ближе и ближе действительное спасение экспедиции — заставляла забывать и ждущий их впереди Большой порог!

Первый и второй день чувствовали себя безмятежно. Николай выезжал вперед на ветке, с дробовиком и Хорькой.

Обогнав далеко илимку, он высаживал пса на берег, а сам тихонечко скользил по реке. Хорька часто вспугивал глухарей и облаивал усевшуюся тут же, на дереве, глупую птицу.

Николай не терял времени — сразу же выскакивал на берег, вытаскивал за собой берестянку и бежал с ружьем к собаке.

Своей охотой Коля обеспечивал сытный обед и ужин.

На утро третьего дня все проснулись с одной, озаботившей их мыслью:

— Сегодня порог!

Шутили и разговаривали весело, как вчера, но за этим оживлением чувствовалась особая, немного тревожная напряженность, которая бывает у людей, готовящихся к бою...

Да это и был их последний бой с природой, которую надо было одолеть, чтобы не погибли труды целого лета, чтобы пошли на пользу великому строительству нашего Союза ценные открытия экспедиции!

К бою этому приготовились серьезно и на порог смотрели, как на вразправдашнего врага.

Не успел еще рассеяться утренний туман, как илимка отчалила, держась серединой реки. Решили, что Николай и Володя вместе станут у руля, а Петя и Иван Николаевич, как смогут, будут орудовать веслами. Рассчитали, что самый порог пройдут минут в шесть и устроили репетицию: хватит ли на это время сил у гребцов?

Иван Николаевич выдержал испытание, хотя и изрядно взмок. Петя тоже догреб до конца, напрягая последние силенки. А после долго сидел, отпыхиваясь и выпучив глаза...

— Что, не сладко? — дружески поддразнил Николай.

— Да, это не медвежатину жареную кушать! — сознался Петя, но был очень доволен, что все же не осрамился и годен к бою!

Время тянулось так долго, что казалось, никогда и конца не будет пути до порога, Николай поминутно справлялся, сколько времени, и каждый прошедший час казался ему целыми сутками.

Часа через три установили дежурство, чтобы не пропустить затон, предвещавший близкий порог.

Иван Николаевич вошел во внутрь илимки, чтобы еще раз взглянуть на ящики с коллекциями и другой багаж.

Хотел было спрятать понадежнее коробки с инструментами, но тотчас же улыбнулся и сказал сам себе:

— Куда же прятать? Уж если придется тонуть — так все потонет. Глупости это! — и, насвистывая какой-то веселый марш, вылез на палубу.

Один Хорька был совершенно равнодушен. Растянувшись у мачты, он подставил солнцу черную лоснившуюся шкуру, и, пригревшись, спал.

— Впереди затон! — твердо крикнул Петя, стоявший с биноклем дозорным.

И сразу у всех поднялся решительный, даже злобный, задор:

— Будем здесь приставать? — спросил Николай.

— Нет, — скомандовал Иван Николаевич, — прямо, к порогу!

Потом спустился к борту и взялся за рукоять весла. У другого уже сидел Петюха, обменявшийся с ним веселым взглядом.

Николай и Володя стояли на корме, на помосте, крепко держали руль и напряженно глядели в реку.

Течение стало заметно усиливаться. Замелькали береговые деревья. Туман совсем рассеялся, и золотом сверкало солнце, прибавляя бодрости.

Струи сплетались в широкую волнистую дорогу. Донесся шумящий и ровный грохот...

— Порог, — закричал Николай, — гребись!

Петя вцепился руками в скрипевшее на уключине весло и больше ни на что не смотрел и ни о чем не думал.

Только греб, что было сил!

Стремительно-быстро накатился грохот, и вода кругом закудрявилась пенными всплесками. Иногда казалось, что илимка стоит неподвижно на месте, но уносящиеся сторонами берега говорили о скорости, с которой мчала судно...

Вот, с правого берега показалась горбатая гряда камней, вошедших в реку. Об нее, с высокими брызгами, расшибались тяжелые волны.

— Гряда! — крикнул Николай Володе и так как знал, что тот не услышит его голоса, показал рукою.

Володя, бледный и строгий, кивнул головой и указал на левую сторону. И оба круто свернули руль влево.

Илимка шатнулась и, ныряя в глубоких водяных ухабах, понеслась, к словно летевшему ей навстречу, левому берегу.

Черный утес, словно окаменелый зверь, торчал среди белых взрывов пены. Торчал как раз на пути илимки, с каждой секундой словно вырастая, из реки.

Вдруг, илимку рывком отшвырнуло в сторону. Она накренилась, выпрямилась, и утес остался в стороне.

Илимку потащило к правому берегу, к kloкочущим, как в котле, сшибающимся валам... Николай увидел, как мелькнуло в воде весло, вышибленное при повороте судна, из петиных рук...

Отчаянными усилиями оба кормовщика передвинули руль.

Однако, илимка несется, пересекая середину реки, и нос ее смотрит попрежнему в береговой бурун! Они поднимают руль, заносят его и, рискуя вылететь в реку, отгребаются к середине. Нос чуть-чуть отошел, но уже рядом взрыленная полоса течения, неудержимо влекущая на камни...

Упершись во что-то ногами, Николай закрыл глаза и всей тяжестью навалился на руль.

Послышался короткий и слабый треск. Сломанный руль выпрыгнул из воды, и оба — и Николай, и Володя, потеряв опору, грохнулись вниз, на дно илимки.

А повернутое последним усилием судно, отшатнулось от губельного буруна и, зарываясь носом в валы, выскочило из порога...

Иван Николаевич, вместе с Петей, работали уцелевшим веслом, подгребаясь к песчаному берегу.

И илимка остановилась, слегка покачиваясь.

Тут Петя не выдержал, обнял Ивана Николаевича и, севши на палубу, громко заревел...

Дальше плыли по успокоившейся и неопасной уже реке и наперебой рассказывали о своих впечатлениях.

Собрались все на корму, у поломанного руля, и Хорька терся тут же.

— Я ничего не видал, — сознался Петя, — помню только, как дернулось вверх весло и как вместе с уключиной полетело! Чуть руки мне не оторвало! Тогда я смотрю — Иван Николаевич гребет. С него шапку сорвало, а он все гребет...

— Ну, ребятки, а я думал, что смертный час приходит, — говорил Володя. — Мне с помоста-то видно было. Ведь, чуть, какие-нибудь метров сорок, до камней осталось. И вахтам, ужасный, крутит! И как нажали мы разом на руль, да сбросило нас вниз, я только тогда и опомнился, когда лбом о косяк зацепил! Даже искры из глаз посыпались!

Действительно, у Володи над бровью вздулась багровая шишка...

— А я думал, что меня в порог сорвало, — рассказал Николай, — но когда увидел, что на дне илимки лежу, помню, крикнул — врешь, наша взяла!

— Чего-же мне-то сказать... — затруднился Иван Николаевич, — помню, что веслом махал...

И, засмеявшись, неожиданно и задорно спросил:

— А ведь молодцы мы все-таки ребята? А?!

И все хором и дружно гаркнули:

— Молодцы!

— Вот! — хохотал Иван Николаевич, — раз никто нас не хвалит, так мы сами себя похвалим! А теперь давайте-ка руль чинить, поскорее, чтобы к вечеру в Туруханске быть.

Еще долго тянулись таежные и скалистые берега. И путешественники узнавали места, которые проходили они в начале лета.

И счастливый сплав их через порог, и все благополучие обратного пути, и хрустально прозрачная свежесть осени, золотой и красной осени севера — рождали смутные сожаления.

Сожаления о том, что с концом Тунгуски оканчивается и трудовое их лето.

Лето борьбы с природой за скрытые ее богатства, а порой и борьбы за собственную жизнь.

Одновременно волновали путешественников и другие мысли. Вот они победителями выходят из дремучей тайги Тунгуски.

Из каменной груди ее утесов они вырвали руду и уголь и несут их своим вкладом в социалистическую стройку.

Боевым активом сами входят в ряды строителей. Равноправными бойцами вливаются в отряды великой, трудовой армии...

И эти мысли зажигали ярко и тянули отсюда скорее к людям, к делу, к труду...

— Что-то наши сейчас, — волновался Николай, — ждут ли нас в Туруханске или уже уехали на юг?

— Не такой человек профессор, чтобы уехать! — ответил Иван Николаевич, — готовится, вероятно, санным путем выручить нас из тайги.

— Да, — сказал Володя, — ему тяжелее, чем нам досталось. Потому что, нет того хуже, чем когда желаешь помочь, да не можешь!

К вечеру показались последние крутые утесы, А там, словно распахнулись горы, и широко разошелся горизонт над показавшейся долиной Енисея...

— Туруханск! — не отрываясь от бинокля, сообщал Петя, — вон знакомый яр с боченками и сетями... Вон домик на краю, а на нем... Ребята! А на домике флаг нашей экспедиции!

Но илимку уже заметили с берега. Вокруг домика засутились люди. Вот, враспынную, сбегают они к воде, навстречу причаливающему судну...

Бухнул в воду отданный якорь, и ребят окружили знакомые, дружеские лица.

Обнимались, жали руки и забрасывали расспросами.

А когда этот гомон первой встречи утих, то профессор сказал ребятам:

— Завтра приходит сюда пароход, и завтра же мы отправимся в Ленинград. И вы поедете со мной, потому что вам надо учиться.

— А как же тайга-то и Хорька, — вдруг пожалел Петюха.

— О-о! — радостно прервал его профессор, — Хорьку мы заберем с собой, а в тайгу вернемся на будущее лето И вы вернетесь более сильными, чем теперь. И тогда из недр тайги мы возьмем еще больше ценностей на благо нашего советского государства!

КОНЕЦ

Примечания

1. Обычно трюм корабля или баржи имеет несколько отделений, отгороженных непроницаемыми для воды стенками. Такие отделения называются отсеками.
2. Шпангоут — изогнутые брусья корпуса корабля, к которым прикрепляются доски боковой обшивки.
3. Реея — поперечная переключина, к которой привязывается парус.
4. Ровдуга — выделанная, как замша, оленья шкура.
5. Химическими реактивами называются вещества, употребляемые в лабораториях. Например: сода, серная кислота, соль и много других веществ.
6. Легкая охотничья лодка тунгусов.